

БЛАГОВЕРНАЯ ЦАРИЦА ХИТРА БЫЛА
МУДРА: ОБ ОДНОЙ СИНОНИМИЧЕСКОЙ
ПАРЕ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2020 г. Т.А. Агапкина

*Институт славяноведения**Российской академии наук, Москва, Россия**Дата поступления статьи: 17 февраля 2020 г.**Дата публикации: 25 июня 2020 г.*

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389

Аннотация: В настоящей статье предпринято исследование синонимических пар, таких как *хитрый-мудрый*, *хитёр-мудёр*, *хитрость-мудрость* и т. д., а также сложного слова *хитромудрый* в русском фольклоре. Проанализированы материалы тех жанров, в которых эти пары представлены наиболее широко: это заговоры, былины, причитания, свадебные и лирические песни, а также сказки. Рассматриваются фольклорные контексты, в которых синонимические пары типа *хитрый-мудрый* формируют круг регулярных значений; то, что и кого регулярно называют *хитростями-мудростями* и *хитрым-мудрым* в разных жанрах; в какие тематические поля попадают эти парные конструкции, их значения и особенности функционирования в отдельных жанрах и др. Устанавливается, что большая часть значений, которые обнаруживает эта синонимическая пара, имеет отношение к специальному знанию — будь то магия, оборотничество, военное дело, профессиональные навыки или искусное владение ремеслом. Предполагается, что именно на основе этого общего значения в заговорах, в соответствии с их установкой на «вежество», сформировалось специальное значение 'быть связанным с тайным знанием, ведовством, магией', которое в итоге и становится доминирующим. Это значение находит поддержку в диалектной речи, обнаруживаясь у слов на *хитр-* и *мудр-* в разных регионах Европейской России, особенно широко на Русском Севере и примыкающих территориях северо-запада и северо-востока.

Ключевые слова: русский фольклор, синонимические пары, заговоры, былины, вербальная магия, русские диалекты.

Информация об авторе: Татьяна Алексеевна Агапкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 а. 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: agapi-t@yandex.ru

Для цитирования: Агапкина Т.А. *Благодарная царица хитра была мудра*: об одной синонимической паре в русском фольклоре // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 2. С. 336–389. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389

BLAGOVERNAIA TSARITSA KHITRA
BYLA MUDRA: ON ONE SYNONYMOUS
PAIR IN THE RUSSIAN FOLKLORE

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. T.A. Agapkina

Institute of Slavic Studies

of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: February 17, 2020

Date of publication: June 25, 2020

Abstract: The article is devoted to the study of synonymous pairs that are deviations from the words *khitr-/mudr-* (*sly/wise*) such as *khitryi-mudryi*, *khiter-muder*, *khitrost'-mudrost'* etc., and a compound word *khitromudryi* in the Russian folklore. The essay analyzes those genres where these pairs are most widely represented: charms, folk epics, lamentations, wedding and lyrical songs as well as fairy tales. The author examines folklore contexts in which the synonymous pair *khitryi-mudryi* and the same-root pairs form a cycle of regular meanings; also, it focuses on what or who are regularly called *khitrosti-mudrosti* and *khitryi-mudryi* in different genres; which thematic fields these paired constructions are included in; their meanings and specificity of functioning within certain genres, etc. The article argues that most of the meanings implied by this synonymous pair relate to specific knowledge — whether it is wizardry, changelings, military affairs, professional skills, or skilful mastery of a craft. The authors suggests that this general meaning that generated specific meaning, e.g. “associated with secret knowledge, witchcraft, and wizardry” that has eventually become dominant. This meaning discloses itself in the dialect speech of different regions of the European Russia, especially widely represented in the Russian North and the adjacent territories of the North-West and North-East.

Keywords: Russian folklore, synonymous pairs, charms, epics, verbal magic, Russian dialects.

Information about the author: Tatyana A. Agapkina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 32 a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia.

E-mail: agapi-t@yandex.ru

For citation: Agapkina T.A. *Blagovernaia Tsaritsa Khitra Byla Mudra: on One Synonymous Pair in the Russian Folklore. Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 336–389. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389

Синонимические пары, парные сочетания синонимов или, как их еще называют, парные синонимические конструкции (далее — ПСК) — *тоска-кручина*, *ум-разум*, *путь-дорога*, *булат-железо*, *глупый-безумный*, *сильный-могучий*, *тихий-смирный*, *плакать-рыдать*, *кручиниться-печалиться*, *собираться-соезжаться*, *думать-гадать*, *нежданно-негаданно*, *безданно-беспошлинно* и мн. др. — известны в восточнославянских языках (и некоторые из них являются общеязыковыми), однако особенно широкое распространение они получают в фольклоре, при том что степень неразложимости, внутренней устойчивости таких парных конструкций, их частотность и объем функциональности сильно разнятся. ПСК обычно состоят из двух слов одного лексико-грамматического класса, семантика которых совпадает полностью или частично. Укреплению связей между двумя сближаемыми словами иногда способствует рифма, имеющая в основном грамматический характер.

ПСК и близкие им формы (композицы, парные слова и т. д.) не становились предметом обсуждения этнолингвистов и лингвофольклористов, в том числе в самое последнее время. Напомним в этой связи о работах В.И. Собинниковой [87], С.Е. Никитиной [50], М.А. Бобуновой [11], И.А. Багликовой [4], Ф.Р. Минлоса [47], Э.В. Фомина [97], Е.Л. Березович и В.С. Кучко [9] и ряде других, где речь идет о том, как трактовать парные сочетания синонимов, чем ПСК отличаются от композиций, как различаются значения отдельных синонимов, входящих в пару, что нового привносит в них сосуществование в рамках одной конструкции, каковы формальные отношения компонентов пары, каково происхождение отдельных ПСК и т. д. С точки зрения изучения этого явления в фольклоре актуальность до сих пор сохраняет работа А.П. Евгеньевой ([30], там же см. обзор предшествующей

щей литературы вопроса), в которой целая глава посвящена интересующему нас явлению («Синонимические сочетания и их роль в устной поэзии»).

В настоящей статье мы предпримем исследование ПСК со словами на *хитр-/мудр-*, таких как *хитрый-мудрый*, *хитёр-мудёр*, *хитрость-мудрость* и т. д. (а также их морфологических вариаций), и сложного слова *хитромудрый* в восточнославянском, преимущественно русском фольклоре. ПСК всегда характеризует один субъект или объект. В рассматриваемых ПСК первым стоит слово на *хитр-*, вторым — слово на *мудр-*, поскольку подобные сочетания, как отмечалось исследователями, обладают свойством «непереставимости» [47, с. 99]. Эти парные сочетания и сложное слово мы рассмотрим как единый концепт, получивший в фольклоре достаточно широкое распространение. Выяснилось, что ПСК *хитрый-мудрый* и под. чаще всего встречаются в заговорах и былинах, значительно реже в народной лирике, причитаниях, сказках, поговорках и совсем уж редко в других жанрах.

Мы будем рассматривать фольклорные контексты, в которых ПСК *хитрый-мудрый* и однокоренные ей встречаются относительно часто и формируют круг регулярных значений. Нас будут интересовать основные контексты, связанные с этими парными сочетаниями; то, что и кого регулярно называют *хитростями-мудростями* и *хитрым-мудрым* в разных жанрах; в какие тематические поля попадают эти парные конструкции, их значения и особенности функционирования в отдельных жанрах и др. Собственно лингвистические проблемы, касающиеся исследования ПСК и близких им форм, остаются за рамками настоящей работы.

Слова на *хитр-* и *мудр-*, составляющие в фольклоре эту синонимическую пару (*хитрить(ся)*, *хитрый*, *хитрец*, *хитрость*, *хитрушка*, *хитро* и *мудрить(ся)*/*мудрять*, *мудрый*, *мудрец*, *мудрость*, *мудрушка*, *мудро* и мн. др.), в истории языка и в современных диалектах не являются в строгом смысле синонимами, однако очень близки друг другу по семантике¹.

1 В современном русском языке слова из этой пары синонимами не являются и по своей семантике отстоят друг от друга значительно дальше, чем в диалектах и фольклоре, ср.: рус. *хитрый* '1. изобретательный, пронырливый, хитроумный; 2. искусный; 3. действующий непрямыми, обманными путями и т.д.' [83, т. 17, с. 150–153] и рус. *мудрый* '1. Обладающий высшим знанием, большим умом, дальновидностью; 2. Содержащий в себе результат большого ума, знаний, опыта; 3. Простореч. Сложный, замысловатый; мудреный' [83, т. 6, с. 1339–1340].

Как первое слово синонимической пары, *хитрый* привлекает к себе особое внимание. Этимологи считают праславянское *хутгъ(ь) производным от *хутати, *хутити, ср. др.-рус., рус.-цслав. *хытати*, *хытити* 'хватать, кусать', 'хищничать', 'похищать' [100, т. 8, с. 162–163; 94, т. 4, с. 340], т. е. *хитрый* 'хватаящий, быстро схватывающий', а затем уже 'умный, сообразительный, хитрый'. В то же время через ст.-слав. *хытръ* 'искусный, умелый' и *хытрость* 'искусство, мастерство, умение', которое, в свою очередь, является калькой греч. τέχνη [90, с. 769], а также др.-рус. хытръ 'ловкий, сведущий, опытный (о враче)', рус. *хитрый* связано с кругом значений, имеющих отношение к искусству, мастерству, профессиональному опыту и т. п. Оба эти круга значений *хитрого* (как 'быстро схватывающий' и как 'искусный, опытный') нашли отражение в рус. *хитрый-мудрый*.

Для ст.-слав. *мѣдрость* Словарь старославянского языка называет два основных значения: 'знание', а также 'наука, учение' [90, с. 342]. В Словаре Срезневского *мѣдрый* определяется как 'умный, разумный; мудрец' [89, т. 2, с. 187]. Что касается слова *хытрыи*, то объем этого лексического гнезда и значения отдельных слов гораздо шире: *хытрити* 'придумывать; соображать; обманывать' [89, т. 3, с. 1427]; *хытрица* 'знающая, постигающая; мудрая' [89, т. 3, с. 1427]; *хытро* 'искусно' [89, т. 3, с. 1428]; *хытрокъ* 'искусник' [89, т. 3, с. 1428]; *хытрость* 'искусство; произведение искусства; ум, разум; умение; знание; наука; рассуждение; хитрость; ухищрение; лукавство, обман' [89, т. 3, с. 1427–1429]; *хытрыи* 'искусный; искусно сделанный; творческий; художник; ученый; умный, разумный; хитрый, ловкий; замысловатый' [89, т. 3, с. 1430–1431]; *хытрыць* 'художник; творец, создатель; знаток; сведущий в чем; искусный в чем' [89, т. 3, с. 1431–1432].

В Словаре XI–XVII вв. слова на *мудр-* получают более широкий круг значений: *мудрец* 'мудрец, философ; мудрый человек, тот, кто может дать мудрый совет; искусный в чем-л. человек, мастер своего дела' [81, т. 9, с. 294]; *мудрок* 'мудрец' [81, т. 9, с. 296]; *мудрость* 'мудрость, ум, разум; благоразумие; совокупность знаний, ученость; хитрость, лукавство, плутовство; произведение искусства' [81, т. 9, с. 297–298]; *мудрый* 'проявляющий ум, сметливость, хитрость в чем-л. (по Остромирову Евангелию 1057 г.); умудренный опытом, знающий мудрый; исполненный мудрости, основанный на благоразумии; замысловатый, сложный, трудный. || Тонкий (об искусной

работе)' [81, т. 9, с. 299–300]. (К сожалению, том со словами на *хитр-* пока не опубликован.)

Если сравнивать значения слов на *хитр-* и *мудр-* по названным словарям, то выделяется по крайней мере три группы значений, характерных для обоих лексических гнезд. Во-первых, это значения, связанные с умом, его остротой и вообще с силой интеллекта²; во-вторых, значения, имеющие отношение к знаниям, науке и обучению, и, в-третьих, значения, касающиеся искусства, искусной работы и мастерства. Создается впечатление, что в истории языка имело место «встречное» сближение значений слов этих двух лексических гнезд.

В словаре Даля слову *хитрость* приписывается значение 'умственная ловкость, изворотливость, тонкость и острота соображений, умение достигать своей цели, нередко обманом; лукавство, коварство', а *хитрый*, соответственно, описывается как 'искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый' [26, s.v. *Хитрый*]. С этим согласуется второе основное значение слова *мудрость* 'хитрость, искусство, умение; замысловатость или трудность' [26, s.v. *Мудрый*].

В русских диалектах слова на *хитр-* и *мудр-* также демонстрируют тенденцию к взаимному сближению, например:

– псков., твер., костром., перм. *мудрять* 'хитрить', перм. *мудряться* 'прибегать к разнообразным уловкам' [80, т. 18, с. 331], рус. диал. *мудрить*, *мудровать*, перм. *мудрять*, *мудреничать* 'хитрить, придумывать необычайное, делать самонадеянно свое; умничать, дурачить кого-л.' [26, s.v. *Мудрый*] и том. *хитревать* 'хитрить', свердлов. *хитреваться* 'обманывать', архангел. *хитриться* 'хитрить, ловчить' [80, т. 50, с. 143];

– смолен. *мудренный* 'умный, разумный, сообразительный', псков., твер. *мудристый* 'хитрый, хитроумный' [80, т. 18, с. 330], и рус. диал. *хитрый* '1) умный, толковый (в т. ч. опытный, умелый); 2) замысловато, сложно изготовленный' [80, т. 50, с. 147–148]; рязан. *хитрый* 'мудреный, странный' [84, с. 583];

– ярослав., новгород. *мудрушка* 'хитрушка, обольщение, обман или шутка' [26, s.v. *Мудрый*] и ярослав. *хитрушка* 'хитроумие, умение обвести вокруг пальца, обмануть' [80, т. 50, с. 147] и т. д.

2 О семантике слов *мудрость*, *мудрый* в исторической динамике см.: [98].

Близость значений слов на *хитр-* и *мудр-* в русских диалектах подчеркивается целым рядом дополнительных моментов. Как уже отмечалось, в словарях в зоне толкования этих слов часто оказываются сами эти слова, т. е. они описываются друг через друга, а также через такие общие «знаменатели», как *обманывать*, *ловчить*, *лукавить* и под. В поговорках слова на *хитр-* и *мудр-* выступают как регулярные синонимы, подменяя друг друга в идентичных контекстах, см., например, рус. «Премудрость одна, а *мудростей* много (лукавства, *хитростей*)» [26, с.в. *Премудрый*]; «*Хитрее (мудрее)* теленка не будешь» (тот везде языком достанет) [26, с.в. *Теля*]. В легендах о царе Соломоне его называют то мудрым/премудрым, то хитрым. В итоге именно сходство семантики является ключом к объединению этих слов в ПСК, а также к образованию сложного слова *хитромудрый*.

ПСК со словами на *хитр-/мудр-* известны по церковнославянскому переводу Библии, переводным и оригинальным памятникам древнерусской книжности. Парная конструкция «премудрость и хитрость» встречается в церковнославянском переводе Библии: «Сотворилъ веселеилъ і елиавъ, и всакъ мѣдрый оумомъ, смѣже дана естъ премѣдрость и хитрость разѣмѣти творити вса дѣлеса лѣпотна <...>, ѡже стѣни по всѣмѣ, елико заповѣда гѣ»³ (Исх 36: 1, цит. по тексту Острожской Библии 1581 г.). В тексте Толкового Апостола (по рук. XIV в.) имеется выражение «премудръ и хытръ»: «Кто премудръ и хытръ въ васъ, да явит от добра житиа дѣла своя въ кротость премудрости» [38, с. 110]. Аналогичные парные конструкции обнаруживаются в памятниках переводной книжности. В Житии Василия Нового (по рук. XVI в.): «Всегда вѣщавааше в притчяхъ бесѣдовааше, всѣмъ страшень сый и больша, в гаданиихъ зѣло хитръ сый, и мудръ, и утвержень» [37, с. 526]; в Повести о споре жизни и смерти (по рук. XVI в.): «О человеце, не мудрее ты царя Соломона — царь Соломонъ хитр и мудр был, да и той со мною не смѣл поговорити, и того яз <смерть> взяла» [61, с. 96] и др. Кроме того, эти парные конструкции встречаются и в памятниках оригинальной древнерусской литературы. В Слове Даниила Заточника (по рук. XVII в.): «Всякъ бо челоуѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣди, а о своей не можетъ смыслити» [85, с. 272]; в Слово о житии... святого Стефана (по рук. XVI в.): «<Стефан Пермский в споре с кудесниками и волхвами>

3 Здесь и далее подчеркивания в цитатах наши. — Т.А.

Всѣм бо им уста загражаше и противу глаголющая обличаше, и въпреки глаголющим запрещаше дивный сей мужъ, чюдный дидаскаль, исполнь мудрости и разума, иже бѣ измлада научился всей внѣшной философии и книжной мудрости и грамотичней хитрости, ктому же еще добраго ради исповѣдания и чюднаго ради наказания его, изряднаго ради учения его дасться ему даръ благодатный и слово разума и мудрости» [86, с. 170] и других памятниках.

Рассматриваемая парная конструкция нечасто встречается в современной диалектной речи, газетном и художественном дискурсе, демонстрируя при этом разнообразие частеречных вариаций: твер. *Теперь люди схитривши, смудривши* [69, т. 7, с. 127]; воронеж. *В нем ни хитрости, ни мудрости, живет спроста, как самый небесхитростный человек* [80, т. 20, с. 317]; архангел. *Така одна хитра, мудра дефка, дельня была* [2, т. II, с. 19]; донск. *Фсе мудрасти и хитрасти, такой мудряк* [13, с. 290]; *Сом такой хитрамудрай, вынисиш йиво метрах на питнаццать, а вон етими стопками, кулачками талкаицца и палозит у воду* ([70, с. 123], казаки-некрасовцы); *прибайкал. Здоровья бог не даст, хитростями-мудростями ничо не возьмешь* [78, т. I, с. 64]; *Генерал шёл напролом и составил план, чтобы из его разбалаванного шалопая, который требовал «лозы учительной», хитро-мудро и невеликим коштом образовать человека государственного, и именно «дипломата в русском духе»* (Н. Лесков. «Сеничкин яд»). В этих обыденных и литературных контекстах рассматриваемые слова и выражения стилистически окрашены, им явно присущ фольклорный колорит.

Эту особенность узуса соответствующих слов и выражений фиксируют словари. В СРНГ композиты *хитро-мудро*, *хитро-мудрый*, *хитрости-мудрости* имеют помету «фольк.» [80, т. 18, с. 331]. В комментариях к рус. диал. *хитромудрый* со значением 'хитроумный' фольклорные контексты явно преобладают над остальными: «Хитромудрый, ая, ое. 1. Хитроумный. 2. Фольк. Искусный, опытный. 3. Фольк. Искусно сделанный (о сложном красивом рукоделии)» [80, т. 50, с. 146].

Основной сферой употребления ПСК на *хитр-/мудр-* являются **заговоры** (как устные, так и рукописные). Тексты заговоров демонстрируют целый спектр значений ПСК, контекстов, в которые они входят, а также их частеречных и морфологических вариаций.

Подавляющее большинство ПСК со словами на *хитр-/мудр-* в заговорах вписывается в тему «вредоносная магия».

В рамках этой темы выделяется группа «вредоносные действия», представленная глагольными ПСК со значением ‘причинять вред / колдовать’, например: «Как сине море не обсыхает... так же бы никто не мог ни *хитровать*, ни *мудровать* над моими ловушками...» ([41, с. 142], Вятская губ.)⁴. К двум словам, составляющим ПСК, может присоединяться третье, имеющее близкое значение, например «...да как бы не *подхитрить* и не *подмудрить* и не *спортить* не на стрелу, не на гулу ни колдуну, ни колдунницы, не ученику, не ученицы...» — заговор на то, чтобы исправить испорченное ружье ([25, с. 46], Новгородская губ.); «Кто сможет океан-моря воду выпити... и тот может надо мной, рабом Божиим, *похитрить*, *помудрить* и *похимостить*» ([59, с. 195], Пермская губ.), где *похимостить* ‘поворожить, поколдовать’ ([80, т. 30, с. 346], в т. ч. с пометой «перм.»).

Еще более обширную группу составляют ПСК, представленные преимущественно именами существительными *хитрости* и *мудрости*, которыми обозначаются сама вредоносная магия, порча, сглаз и иные подобные способы воздействия на человека, например: «Ино и во веки веком... никакому волху некоторыми *хитростми* и *мудростми*, и меня, раба Божия имярек, не испортит, ни мужеску полу, ни женску...» ([22, с. 184], рук. XVII в.), см. в заговоре, где испрашивается защита «и от всех языков, от царей и королей, и от князей, и от бояр, и от *хитрецов*, и от *волшебников*, и от еретиков, и от *всякой мудрости*, и от *всякой хитрости*...» ([10, с. 15], Воронежская губ.).

В подобных заговорах вредоносной магии (а именно *хитростям-мудростям*) часто противопоставляется добывание/пожелание здоровья (как магия целительная), поэтому типовым в них становится упоминание соответствующей ПСК в оппозиции к здоровью (чаще всего), например, заговор, читаемый, если корова потеряет удой: «Царь водяной, царь земляной... благословите воды⁵ взять *не ради хитрости*, *не ради мудрости*, *а ради Божьей рудонюшки*, чтобы по старому доила, чтобы молочко по старым струйкам бежало» ([42, с. 2], Олонецкая губ.); «Хожу я, раба Божия

4 Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Т.А.

5 Подобные заговоры часто читаются в процессе ритуализованного взятия воды, земли, лекарственных растений и других субстанций, используемых в лечебной магии: «Царь земной и небесной... дай водицы *не для хитрости*, *не для мудрости*, а окупать раба Божия» ([53, 1885, № 75, с. 667], Олонецкая губ.).

(имя), на зари, *не с хитростям, не с мудростям, а с добрым здоровьем*» ([95, с. 298], Новгородская обл.).

Хитрость-мудрость противопоставляется в заговорах высшей силе и даруемым ею благам — божьей милости: «С восточной стороны пойду я, раб Божий, *не с хитростью, не с мудростью, а с Божиею милостию*»⁶ ([49, № 216], Нижегородская обл.) и божьей помощи: «Пособите, помогите коровушке... от причты, от остуду, от доспеху... *Кто и с хитростью, кто и с мудростью, а мы с Божьей помощью*» ([44, с. 322], Санкт-Петербургская губ.). Кажется, не будет слишком опрометчивым предположить, что такое противопоставление связывает сами *хитрости-мудрости* с вредоносной магией и дьявольским началом.

Описываемые значения ('колдовство', 'вредоносная магия'), характерные для исследуемой ПСК в рамках фольклорного узуса, типичны также для отдельных слов с корнями *хитр-* и *мудр-* в диалектной лексике, хотя, кажется, что здесь они встречаются реже, чем в заговорной традиции. Если говорить о корне *хитр-*, то, к примеру, в пермских говорах известны такие слова, как *похитриться* 'колдовать': «Колдуны над лошадьми *похитряются*: кони встанут и дальше не идут» [76, т. 2, с. 191], см. также: «Коли ты спроста, и я спроста; *коли ты с хитрости, и я с хитрости* (говорит знахарь, разводя или снимая залом, закрутку хлеба)» [26, s.v. *Спразывать*]. То же относится и к словам с корнем *мудр-*, см. смолен. *мудровать* 'колдовать': «Он *мудруит* и *любжу делъить*, штоб замыш узяли» [82, т. 6, с. 115], где синонимом к *мудровать* выступает выражение *любжу делать* 'присушивать, практиковать любовную магию', а также пинеж. *мудрёный глаз*: «*Мудрёный глаз* у него, над скотиной проказит»; «*Мудрёной глаз, знатливой у него, проказливой*» [71, с. 83, 71], где синонимами к *мудрёный* являются прилагательные, прямо связанные с наведением порчи и тайным знанием: *проказливой, знатливой*.

Следующая группа представлена парными конструкциями со словами на *хитр-/мудр-*, которые обозначают лиц, владеющих магическими знаниями и умениями. Очень редко в заговорах появляются соответствующие имена существительные, например: «Сохрани в путях, в дороженьке *от хи-*

6 Этот мотив переключивает в свадебные причитания почти без изменений. В Олонецкой губ. при подготовке к свадьбе невеста просила сестру: «Сестрица моя родимая, / Затопляй-ко парну баенку. / Ты без *хитрости, без мудрости, / Со великой Божьей милости*» [7, с. 3].

треца, от мудреца, от колдовца» ([34, с. 66], Юж. Урал), где третий синоним пристраивается к паре *хитрец-мудрец*, меняя свой морфологический облик (*колдун* → *колдовец*). Иногда в заговорах встречаются адъективные ПСК, с помощью которых описываются колдуны: «...всякие *хитрые-мудрые люди*» ([53, 1884, № 90, с. 895], Вытегра), а также субстантивированные прилагательные: «Мои замки никто не отворит и ключи никто не найдёт, и меня, рабу божью (имярек), *ни хитрой, ни мудрой* не победит. Аминь» ([62, с. 206], Пермская обл.).

И в этом случае мы вновь замечаем поддержку ПСК со стороны диалектной лексики, в которой отдельные слова на *хитр-* и *мудр-* используются для обозначения лиц, занятых колдовством и владеющих эзотерическими знаниями. Подобные примеры на *мудр-* единичны в русском диалектном пространстве, см. нижегород. *мудрёна* ‘колдунья’ [28, т. 2, с. 118]⁷, а вот примеры таких наименований на *хитр-* довольно многочисленны и разнообразны. Среди них есть и имена существительные вроде архангел. *хитряк* ‘2. Чародей, знахарь’: «В загадке: Рассыпалось золото По чёрному бархату. Никому его не собрати, Ни попам, ни дякам, ни каким *хитрякам* (роса)» [80, т. 50, с. 148], и субстантивированные прилагательные: смолен. *хитра* ‘чародейка’ [82, т. 11, с. 53]. Но в основном это атрибутивно-номинативные сочетания типа *хитрые люди, хитрые бабы* ‘колдуны, ведьмы’, см. в следующих контекстах: перм. «Какие-то *хитрые люди* есть. Мужик дурит, дурит с нами и посадил мне этих бесей» [79, т. 1, с. 99]; перм. «*Хитрые люди* с человеком что хотят, то и сделают: болезнь нагонят, отправят куда-нибудь. Колдуны молитвы не признают, они словами владеют» [79, т. 1, с. 118]⁸; бел.-полес. «*Хитрыя бабы* мелом хату обводят перед Хрэшчэннем, штоб у хату нека гадосць не пришла и богатство не вышло»⁹; бел.-полес. «На Петрыўскаго Ивана в двенацать часоў ночи папороть цвэтэ. То есь таки *люди* — *хитрые*. Трэбо тож цвит взять, цвит очень помогае. Видьмы и ведьмары»¹⁰.

7 Производные от *мудр-* в качестве наименования людей, занятых колдовством и обладающих специальными знаниями и умениями, известны прежде всего в западноукраинской и польской традициях.

8 Ср. севернорусское поверье, согласно которому сплзнуть может тот, у кого взгляд «с хитринкой»: «вот как отличить вот... С *хитринкой* есть. И... взгляд у других такой, что... вот... взглядом убьёт» [36, с. 131].

9 Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва). Зап. в с. Велута Лунинецкого р-на Брестской обл.

10 Там же. Зап. в с. Заболотье Лунинецкого р-на Брестской обл.

Помимо «вредоносной магии» ПСК со словами на *хитр-/мудр-* могут входить и в смежное тематическое поле «магические умения и знания». В рамках этой темы «хитрость-мудрость» ассоциируется уже не с вредоносной, а скорее с целительной магией, см. заговор, в котором слова на *хитр-/мудр-* используются для называния людей, такими навыками владеющих: «Из этого камня выходит красная *девица*, и *хитра* и *мудра*, и выносит свой притугой отстрильцятый калиновой лук, и вкладываё калиновы стрелы, и стрелят, и отстриливат и все и думы, и прици, и призоры...» ([46, № 220], Олонецкая губ.). *Хитрые-мудрые люди* наделяются и иными навыками и умениями. При этом к *хитрым-мудрым людям/мастерам*, в частности помогающим имярек в охотничьем промысле и целебной практике, могут причисляться даже православные святые: «Царь меня, раба Божия, не ослышается, и посылает св. Николу на пособ и на помощь ловить белых зверей горностаблей чернохвостых, *хитрых* и *мудрых слуг* посылает ко мне, рабу Божиему имярек» ([31, с. 185], Архангельская губ.); «...раб Божий имрек... пойду в далече в чистое поле... идет на стрету стар матер муж... за ним идет *святой честной Козма* и *Дамьян*, *хитромудрые мастера*, на руках несут мису золотую; а на мисе золотое перо» ([58, ч. 4, с. 255], Олонецкая губ.).

Значительно реже ПСК со словами на *хитр-/мудр-* в качестве эпитетов характеризуют артефакты, используемые в промысле и обладающие особыми, «непростыми» качествами, см., например: «Идут и текут Божьи твари из-за темных лесов... *из-за тридевять хитрых, мудрых* ловушек...» ([41, с. 139–140], Вятская губ.). Как и в других случаях, эти контексты находят поддержку со стороны диалектной лексики, в которой слова на *хитр-* и *мудр-* (существительные, прилагательные, глаголы) обозначают вещи, свойства и действия, созданные и функционирующие на грани магии, высокого мастерства и тайного знания, ср. новгород., ярослав. *мудрушка* ‘хитрая вещица, игрушка и пр.’ [26, s.v. *Мудрый*]; «Что за такой *мудреный* перстенок, дай я померяю. — Кольцо оввилось и воссияло» ([80, т. 22, с. 292], Волго-Камье); карел. *хитрая удочка* ‘браконьерское орудие лова’: «Еще есть такая снасть, хитрая удочка называется» [77, т. 6, с. 589].

В рамках темы «магические умения» выделяется еще одна группа адъективных ПСК с производными от *хитр-/мудр-*, которые определяют само заговорное слово. Называя это слово *хитрым-мудрым*, заговор тем

самым указывает на его магическую природу: «На мои *на хитрые, на мудрые слова* — ключ, замок положить. Ключ — в роте, замок — в море» ([67, № 635], Архангельская обл.). Характеристика *хитрый-мудрый* в этом примере выступает в одном ряду с другими: «Будьте, мои слова, *крепки и липки, переговорены и недоговорены*, все будете *истинны, хитры и мудры*, старого мастера, кто меня учил» ([43, с. 13], Вост. Сибирь).

Наконец, совсем уж редко ПСК, в основе которых лежат слова на *хитр-/мудр-*, применяются в качестве названий болезней или видов порчи: «Как вода-матушка по реке проходит, так же проходи, нечистый дух, неприятна сила, болезни *хитрость-мудрость-ноготь...*» ([101, с. 158], Пермская губ.).

Особенностью функционирования ПСК *хитрый-мудрый* и под. в заговорной традиции является повторение ее вариаций в рамках одного контекста, что усугубляет магический эффект и в целом отвечает инерционной поэтике заговора с его тяготением к многочисленным повторам (слов, частей слова, грамматических форм, звуков и т. д.). Иногда редупликация имеет место в рамках одной синтагмы, в которой оказываются соположены две или даже три частеречные вариации ПСК. Например, следующий фрагмент заговора объединяет существительное, прилагательное и прилагательное в сравнительной степени: «Будь, моя молитва, крепка и липка: *хитряе хитрова х и т р о к а, мудряя мудрова му д р о к а*» ([23, вып. 2, № 95], Костромская губ.). Во втором примере редупликация происходит в рамках глагольного словосочетания: «Спасі, Госпадзі, памілуй, божы Мікіця, *мудрасцю мудрыся, хітрасцю хітрыся*» ([35, № 1236], Гомельская обл.). В других случаях частеречные вариации ПСК входят в разные фрагменты довольно просторанного текста и благодаря этому становятся своего рода лейтмотивом заговора: «Пойду аз, раб божий... навстречу мне идут *три хитрых хитреца и три мудрых мудреца*, в руках несут три золотых кубка, наполнены кубцы *хитростями и мудростями*; и аз, раб божий... у *тех хитрых хитрецов и мудрых мудрецов* отнимаю из рук три золотых кубца и *выпиваю из них все хитрости и мудрости*. И придут *те хитрые хитрецы и мудрые мудрецы* ко Господу Богу и расплачутся на меня... и рече им Господь Бог: раб мой имрк именем моим отнял у вас у *трех хитрых хитрецов* из рук три золотых кубца и выпил из них *все хитрости и мудрости*, и буди над ним, рабом моим, благословение... во всяком деле от всякого зло-

го зверя, от лихих людей и немилостивых судей, и от всех врагов и супостатов...» ([88, с. 234], по рук. XVIII в.)¹¹.

Как уже говорилось в начале, взаимное сближение слов на *хитр-* и *мудр-* (и однокоренных им) и образование соответствующих ПСК объясняется общей близостью семантики этих слов в русских диалектах. Вместе с тем активное употребление парных конструкций типа *хитрый-мудрый* именно в заговорах обусловлено скорее такими относительно редкими и специальными значениями слов с корнями *хитр-* и *мудр-*, как 'колдовать' и 'обладать особыми знаниями и умениями'. Заговоры, будучи основной формой вербальной магии (целительной и вредоносной), стали той благоприятной средой, в которой эти значения оказались особенно востребованы и где сформировалось целое поле однокоренных слов на *хитр-* и *мудр-*, что, в свою очередь, позволило этим специальным значениям развиваться и распространиться. При этом иногда, как, например, на северо-востоке Европейской России (в Пермском крае прежде всего), популярность ПСК типа *хитрый-мудрый* в заговорах активно поддерживалось диалектом, в котором слова на *хитр-* и *мудр-* этими специальными значениями обладали. В других же регионах такой прямой зависимости между диалектной лексикой и рассматриваемой ПСК в местном фольклоре мы не обнаруживаем.

В былинах ПСК со словами на *хитр-/мудр-* также известны довольно широко, однако значения этих ПСК в заговорах и былинах заметно различаются.

К тем значениям, которые характерны для ПСК в заговорах, более всего близки былинные контексты, где *хитростью-мудростью* называется

¹¹ Для заговорного универсума не характерна ярко выраженная биполярность. Поэтому несмотря на присутствие в нем целого ряда противопоставлений (белая и черная магия, лечить и вредить, наводить порчу и снимать порчу, благословение и проклятие), они если не нивелируются, то во всяком случае смягчаются и, скажем так, деидеологизируются. Выше мы уже приводили пример того, как *хитрыми-мудрыми людьми* (т. е. по сути колдунами, помогающими человека в его магических предприятиях) заговор называет святых. В этом примере мы усматриваем сходную ситуацию: имярек выпивает *хитрости-мудрости* (можно предположить, что имеются в виду магические знания и умения), но вместо проклятия получает божье благословение, в некотором смысле легитимизирующее использование этих навыков в магической практике имярека.

способность героя к оборотничеству¹², его приобщенность к «вѣдению» и тайным знаниям. Эти значения встречаем в нескольких сюжетах, но прежде всего в былине о Волхе Всеславьевиче.

Былины сообщают, что в семилетнем возрасте Волх обучается грамоте, а в десять лет — «премудрости»: оборачиваться зверем, птицей и т. д. Поэтому последующие подвиги героя, о которых рассказывает былина, осуществляются не с помощью богатырской силы, а с помощью той же колдовской «премудрости» — оборотничества: охота с дружиной (чудесный лов) и завоевание сказочного Индейского царства. В.Я. Пропп называл Волха великим охотником и колдуном, а также великим воином, который тем не менее как воин совершенно не похож на воинов позднейшего русского эпоса — на Илью, Добрыню, Алешу: он воюет так же, как охотится: путем волшебного умения, «хитрости-мудрости» [64, с. 72]: «Ише тут-то славной Волх да Светославъевич / Он ведь пал-то на свети-то *как всих хитрей*, / Он-то *всех весть пал-то хитре да изо всех мудрей*, / Ише тот ли ведь Волх да Светославъевич / Овернулсэ-то он перьво всё серым волком, / Во второй раз овернулсэ чорным вороном, / Он ише же овернулсэ ясным соколом, / Он ише же овернулсэ-то оленём златорогим, / Он ише же обернулсэ горно-сталоушком, / Как ише Волх овернулсэ мурашом малым» ([8, с. 216], «Волх Светославъевич»). Вместе с тем, рассказывая об оборотничестве Волха, былина далеко не всегда пользуется парной конструкцией типа *хитрый-мудрый*, часто употребляя вместо нее одиночные слова *премудрость/мудрый* (ср., например: [29, с. 33]). Говоря о Вольге (которого принято отождествлять с Волхом), былина так же описывает его навыки оборотничества: «А й задался он Вольга да *во мудрости*, / А й *во мудрости* Вольга да он *в хитры хитрости*, / Птицей он летать да под оболоку, / Рыбою ходить да в глубоки стана, / Зверьями ходить да во темны леса...» [54, № 15]. Поэтому калики перехожие, поднявшие Илью после многолетнего сидения, дают ему завет не биться со старшими богатырями, в том числе с Вольгой: «...не ходи още на Вольгу Сеславъича: *он не силою возьмет, так хитростью-мудростью*» ([58, ч. 1, № 51], «Святогор и Илья»).

12 Прямой поддержки этому значению в диалектной речи мы не находим, однако в Архангельской и Вологодской губ. *мудрушками* порой называли ряженных, также изменяющих свою внешность, см.: «Вырядятся на Святках. У нас, в Сидорове, *мудрушками* наряжались: то в праздничное, а то висок на виске, как нищие» [74, с. 47].

К редким былинным сюжетам, в которых речь идет о колдовстве и превращениях, относится «Добрыня и Маринка». Добрыня встречает киевскую ведьму Маринку — чародейницу и отравительницу, которая извела многих богатырей, превратив их в животных: «Она больно Марина похваляется: / — Гой еси вы, княгини, боярыни! / Во стольном во городе во Киеве / А и нет меня хитрее, мудрее, / А и я-де обернула девять молодцов, / Сильных могучих богатырей гнедыми турами; / А и ныне я-де отпустила десятого молодца, / Добрыню Никитьевича, / Он всем атаман — золотые рога»¹³. Эта похвальба своими колдовскими способностями (в былине из сборника Кириши Данилова) встречает отповедь со стороны Анны Ивановны, крестной матери Добрыни, которая вступается за своего крестника. Спор Маринки и Анны Ивановны примечателен тем, что фактически две женщины меряются колдовской силой — степенью *хитрости-мудрости* каждой из них: «А и молодца Анна Ивановна / Выпила чару зелена вина, / А Марину она по щеке ударила, / Сшибла она с резвых ног, / А и топчет ее по белым грудям, / Сама она Марину больно бранит: / — А и сука ты, ..., еретница ...! / Я-де тебя хитрее и мудренее, / Сижу я на пиру, не хвастаю; / А и хошь ли, я тебя сукой оберну? / А станешь ты, сука, по городу ходить, / А станешь ты, Марина, много за собой псов водить!» ([29, с. 46], «Три года Добрынюшка стольничел») ¹⁴.

Названными сюжетами тема *хитрости-мудрости* как колдовства и оборотничества в былинах, пожалуй, и исчерпывается. Но за рамками этих контекстов остается еще много других, расширяющих спектр значений парных конструкций со словами на *хитр-/мудр-*.

«Хитромудрие» как особое свойство ума приписывается многим персонажам русского эпоса, и едва ли не чаще других — женщинам. Характеристика *хитрый-мудрый* подразумевает быстроту суждений, проницательность, находчивость, знание этикета и целый ряд других качеств.

13 Целью Маринки является вступление в брак с Добрыней, для чего она применяет приемы любовной магии, что фактически приводит к появлению в былине цитаты из заговора: «Как я режу-то Добрынины следочки, / Так бы резало Добрынино сердечушко / А по мне ли, по Мариночке Игнатьевой / <...> / Как горят эти Добрынины следочки, / Так горело бы Добрынино сердечушко» [54, № 227].

14 Вар.: «В те часы атвичала родная тетушка. / — Насмиюсь та я насмешичку, / Ишшо хитрей та мудрей тибя, / Маришки шельмы ябидницы: / Уж я зделаю тибя сукаю папалзу-чаю...» ([40, с. 91], терские казаки).

Хитрой и мудрой оказывается Опраксея-королевична, которая призывает проложить «ходы подземельные» и тайно кормить Илью Муромца во время его заключения в темнице князя Владимира ([15, с. 318], «Исцеление Ильи Муромца»); мать Егория Храброго, спрятавшаяся вместе с сыном в пещерах: «...удоньской цярь, / Уж он Божьи-то церквы на дым спустил, / Он из Божьих-то икон да взял мосты смостил. / Цяря Федора Смоленского под гнет склонил, / Он под гнець-то склонил, взял голову срубил. / Благоверную цярницу изуродовать хотел, / Благоверная *цярница хитра была мудра*, / Уходила в пешшоры горы каменные, / Уносила своего да цяда милого, / Цяда милого Ёгорья света храбрыя» ([8, № 238], «Егорий Храбрый»); царица Елена, жена казанского царя Симеона, которая в отличие от мужа при взятии Казани правильно повела себя с Иваном Грозным, и тот оставил ее в живых, а Симеона казнил: «Загорели [в]си царьски-ти тут полатушки. / Ише царица *Елена была хитра, мудра*, / *Да хитра была, мудра, всё она догадълива*; / Она слыхала про матушку про съвятую Русь — / Ишше как на Руси-то да дело делают. / Да берёт она царица да в руки белой хлеб, / Шьчо стречят она князя света Москоьского, / Ище Грозного царя Ивана Васильёвича, / Ище кланейтце всё ему низёшенько, / Принесла ему покорность всё з благодарностью» ([8, с. 241], «Взятие Казани и смерть царя Симеона»). И даже жена Соловья-разбойника понимает, как надо вести себя с Ильей Муромцем, полонившим ее мужа, хотя ее сыновья и отказываются подчиниться матери: «Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки. / Привязал Соловья ко той ко луке ко седельныя. / Проехал он воровску заставу крепкую, / Подъезжает ко подворью дворянскому: / И завидела-де его *молода жена*, / *Она хитрая была и мудрая*, / ... / Его, Соловьева, молодая жена, / И увидела доброго молодца Илью Муромца, / И бросалась с чердака во свои высокие терема, / И будила она девять сыновей своих: / — А встаньте, обудитесь, добры молодцы, / А девять сынов, ясны соколы! / Вы подите в подвалы глубокие, / ... / А берите вы мою золоту казну, / Выносите ее за широкой двор / И встречайте удала доброго молодца: / А наедет, молодцы, чужой мужик, / Отца-то вашего в тороках везет!» ([39, с. 21–22], «Первая поездка Ильи Муромца»).

Герои-мужчины также не обделены этими качествами: х и т р ы й - м у д р ы й как характеристика главного героя подразумевает его находчивость и ловкость прежде всего, а также, конечно, ум.

Для героя-любовника Чурилы Пленковича — это способность быстро ретироваться, чтобы не быть пойманным: «А Цюрилушко-то всё он был *хитрой-мудрой*, / Он *хитрой-от*, *мудрой все был догадливой*; / Он охвоць ходить за бабами был, за девками; / Он ведь скоро брал со спицьки пухову шляпу, — / Он услышал топот всё конину; / Он выскакивал косисцятым всё окошоцьком, / Он бежал-то Цюрилушко всё ведь Пленковиць...» ([8, с. 66–67, № 7], «Чурила»). А в поздней былине о шведской войне «хитрость-мудрость» приписывается военачальнику Екатерины II, который демонстрирует скорость реакции и решительность. Когда шведский король решает взять Москву, о чем и сообщает Екатерине, «*предводитель её хитрой примудрилсэ*, / *Примудрилсэ он да приухитрилсэ*: / Доставает скоро ножицьк булатной-от, / От отрезал королю-ту буйну голову; / Ешшо сам-то взял его да приокутал всё, / Он спусьтил-то эту голову в мешок, в муку, / Положил мешок-то королю да под окутоцьку» ([8, № 41], «Шведская война при Екатерине Второй»).

Искомые качества приписываются и сильным мира сего, прежде всего князю Владимиру, хотя делается это обычно опосредованно. В былине о Михайле Потыке его жена Овдотья Лиходеевна — колдунья и оборотень, поэтому после смерти ее и Михайло Потыка князь Владимир велит обустроить могилу «по-хитрому-по-мудрому», т. е. похоронить их отдельно, в разные могилы, Потыка положить с его конем (который впоследствии и спасет героя из могилы), а у ее могилы поставить «караульщикова», которые будут стеречь колдунью и не дадут ей выйти: «Говорит-то князь Владимир таковы речи: /... / Уж поставлю я к могилы крепких караульщицьков. / Закрывали с могилы их решетоцькой железною; / Как ведь жолтым-то песоцьком не зарыли-то; / По распорезеньицо всё ведь было по-хорошому, / По-хорошому да всё *по-хитрому*, / *Всё по-хитрому было, по-мудрому*: / Тут поставил он крепких всё караульщицьков» ([8, с. 69], «Михайло Потык»). Решение князя Владимира является своего рода ответом на происки Авдотьи Лиховидьевны, т. е. и в этой былине, как и в других, мы видим следы эпического состязания в хитромудрости, хотя и заочного. Так, в былине из сборника Кириши Данилова об Авдотье Лиховидьевне говорится, что она *мудрости искала над мужем своим* [29, с. 119], что вполне однозначно читается как то, что она хотела перехитрить и обмануть его: утянуть Потока за собой в могилу и погубить. Таким образом, в былине о Михайле Потыке

хитромудрость князя Владимира в большей степени означает предусмотрительность, предосторожность и даже предвидение обмана, замысленного колдуньей.

Все эти качества — предусмотрительность и предвидение, расчет и решительность, знание человеческого поведения — присущи еще одному персонажу русского эпоса, а именно царю Соломану (явно ассоциирующемуся с премудрым царем Соломоном), причем тема хитрости-мудрости буквально пронизывает эту былин¹⁵. На пиру у неженатого царя Василия Окуловича (вар.: Иван Микульевич и др.), правящего в Царьграде или другом месте, некто (Васька Торокашков и др.) сообщает ему, что в Иерусалиме живет царь Соломан, а у него жена-красавица царица Соломаниха. После некоторых колебаний царь соглашается на ее похищение, и Васька Торокашков снаряжает корабль с товарами и отправляется в Ерусалим, чтобы увезти Соломаниху. В отсутствие дома царя Соломана он тайком и хитростью увозит Соломаниху на корабле; *хитрой-от, мудрой Соломан*, вернувшись, переодевается странником и отправляется искать жену, до поры до времени пряча свою дружину и дав ей наказ строго следовать знакам, которые тот может подать им. В результате он находит жену, та узнает его и прячет в сундуке, на который садится сама, однако по возвращении домой нового мужа Соломаниха выдает ему царя Соломана. Приводимые ниже фрагменты относятся к последующему развитию сюжета ([16, с. 562], «Василий Окулович и Соломан»).

Здесь, отчасти как и в былине о Добрыне и Маринке, герои соперничают не в силе, а в ловкости, расчете и обмане, совокупно называемых хитростью-мудростью. Иван Микульевич, убежденный в том, что одолел хитромудрого Соломана, издевается над ним, недвусмысленно выражая сомнение в мудрости последнего: «Говорил же Иван царь ему Микульевич: / — Что сказали *хитре-мудре*

15 Былина, по-видимому, является фольклорным переложением одного из сюжетов Повести о рождении и похождениях царя Соломона, получившей широкое распространение в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. (об этом см.: [91]). В этой повести деяния *премудрого* царя Соломона десятки раз называются *мудрыми, мудростями*, а о его действиях говорится с использованием глагола *умудрить* и наречия *мудро*, однако парной конструкции *хитрый-мудрый* в них нет, если не считать единственного упоминания о том, что неверная жена Соломона Соломонида Володомовна была «мудра и хитра» [91, с. 228].

*царя Соломана на свете нет, / А глупе тебя, царь Соломан, же на свети нет, / Ты бы хитрой-мудрой был, не сел бы бабы под гнузно*¹⁶. Соломан игнорирует издевку и просит Ивана Микульевича приготовить для своего повешения «грядочки с тремя петельками», при этом Соломаниха дважды пытается предостеречь Ивана Микульевича, но тот ослеплен мнимой глупостью Соломана: «И говорил тут царю-ту царица Соломаниха: / — А ты прекрасной царь Иван же всё Микульевич, / А царь Соломан *отойдет он своей хитросью же мудростью*. / Говорил же царь Иван же всё Микульевич: / — Уж ты ой еси, царица Соломаниха, / *А какой же царь Соломан хитрой, мудрой? / Он бы хитрой, мудрой был, не сел бы тебе под гнузно, / А вот нету его некакой же хитрости*». Когда Соломана приводят к виселице с тремя петельками, он просит позволения в последний раз вострубить в рог, проститься с белым светом, и Иван Микульевич позволяет, хотя Соломаниха в третий раз предупреждает его: «*Отойдет же царь Соломан своей хитросью же мудросью!*»¹⁷, а тот опять не соглашается с ней, приводя уже известный аргумент: «*И глупе царя Соломана на свети нет!*» ([17, с. 367–368], «Про царицу Соломаниху»)¹⁸. В итоге по знаку Соломана дружина приходит ему на помощь и хитрый-мудрый Соломан одолевает и жену, и Ивана Микульевича и в конце вешает на трех «петельках» всех троих — Соломаниху, Ивана Микульевича и Ваську Торокашкова.

Здесь уместно обратить внимание на то, что мотивы, связанные с оценкой хитромудрости того или иного персонажа, характерные для былин о царе Соломане, становятся до некоторой степени общим местом былевого эпоса, обнаруживаясь в разных былинах и разных сюжетных ситуациях. В частности, мотив «герой сомневается в мудрости соперника» встречаем в былине о Соловье Будимировиче, который прибывает в Киев, чтобы по-

16 Т. е. не забрался бы в сундук, на который уселась Соломаниха.

17 Вар.: «И говорила царица Саламания: / — Ты прекрасный царь, Василий Окульевич! / — *Уйдет он от тебя с хитросью / — И с великою уйдет мудростью!*» ([58, т. 1, № 94], «Царь Саламан и Василий Окульевич»); «Говорит душа Маринка лебедь белая: / “Уж ты гой еси, Василий царь Викулович! / Не продолжай время и ты не мешкайся, / У Соломана много мудростей, / *Много мудростей, много хитростей*, / Не спроведать его всех хитростей”» [19, № 83].

18 В других произведениях на этот сюжет в качестве синонима *хитрости-мудрости* Соломана может выступать *хитрость*, см.: «Она говорит... / У меня царь Соломон под ж... сломан, / Казни скурва, *хитростями будет хитрый*, / А топерь-то в наших руках» ([96, с. 62], Заонежье).

свататься к племяннице самого Владимира, Забаве Путятишне. Соловей отвергает все милости Владимира и просит только об одной: он хочет в саду Забавы Путятичны выстроить златоверхий терем. Забава восхищена красотой терема и в этом восхищении показывает себя не очень ловкой и умной. Например, в одной из мезенских записей, придя в терем, Забава садится на порог, а Соловей Будимирович слегка издевается над ее простоватостью: «Говорит-то тут Соловей Будимирович: / — Да сказали, Забава-та хитра-мудра, / Нам сказали, Забава да оцунь хоробра; / А заправо Забавы да глупей не нашол!» [16, с. 304].

И еще один мотив былины о царе Соломане — «герой обходит соперника хитростью-мудростью» (вар.: «обманывает кого-то хитростью») — встречается в других сюжетах: «Они рыцари-ти были очунь бойкия, / ... / А они скоро-то они да догадались, / А своей хитросью они, мудросью дознались, / И они стречали тут салатана премладого царевиця / ... / Увешшали они его словами ласковыма, / А и обошли-то они своей хитросью же, мудросью» ([17, № 116], «Марута Богуслаевна»). Понятно, что выражение *обойти хитростью-мудростью* не сводимо к простому обману, а предполагает более сложный путь к достижению цели — через наблюдение, опыт, знания, размышления, выдумку и находчивость.

Тот же набор качеств востребован и в другой сюжетной ситуации, когда герой должен разгадать хитромудрые загадки, и от этого его решения многое зависит. Эпизод с разгадыванием загадок является одним из ключевых в былине о Глебе Володьевиче и Маринке Кайдаловне. Князь Глеб Володьевич осаждает Корсунь, в котором засела еретица-безбожница Маринка Кайдаловна. Она требует от князя разрешения загадок в обмен на освобождение города, обещая, кроме того, выйти замуж за победителя: «Уж ты ой еси же, князь да Глеб же сын Володьевич, / Отгадай-ко ты у мя да три хитрых мудрых загадочек, / Отгадаешь же мои же ты загадочки, / Я отдам тебе же все да черны карабли заморские...»¹⁹ ([17, с. 355–356], «Глеб да сын Володьевич»).

19 Известно, что разгадывание загадок как условие освобождения — типовой мотив эпоса и сказок, но одновременно оно является также одним из этапов эпического или сказочного сватовства (см. «Садко»). Как заметил Б.Н. Путилов, в былине имеется явное противоречие: Глеб Володьевич, отгадывая загадки, идентифицируется как жених (суженый), но он против брака с Маринкой. В эпическом подтексте имеется в виду намерение Маринки женить на себе Глеба с целью погубить его [20, с. 528].

Последующая полемика героев предстает как настоящее эпическое состязание, в котором мы видим следы уже знакомого нам мотива «герой сомневается в мудрости соперника» и насмешки героя над соперницей:

— «А как *перва* та у мня *загадка хитромудрая*:

Еще что же в лете бело, да в зимы зелено?»

Говорит-то Глеб да таковы речи:

«*Не хитра твоя мудра загадка хитромудрая,*

А твоей глупе загадки на свете нет:

А как в лете-то бело Господь хлеб дает,

А в зимы-то зелено да тут ведь ель цветет».

— «А загану тебе *втору загадку хитромудрую*:

А да что без кореньица растет да без лыж катится?»

— «Без кореньица растут белы снеги,

А без лыж-то катятся быстры ручьи».

— «Загану тебе *третью загадку хитромудрую*:

А как есть у вас да в каменной Москвы,

В каменной Москвы да есть мясна гора,

А на той на мясной горы да кипарис растет,

А на той парисе-дереве сокол сидит».

— «Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!

Нехитра твоя загадка хитромудрая,

А твоей загадочки глупе на свете нет:

Как мясна та гора — да мой ведь доброй конь.

Кипарисо дерево — мое седельшко,

А как соловей сидит — то я, удалой доброй молодец»

([8, № 50], «Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна»)

Знания Глеба Володьевича сродни предусмотрительности князя Владимира, поставившего караульщиков у могилы Авдотьи Лиходеевны: в этом хитромудром знании присутствует эпический подтекст, нечто, оставшееся за рамками былинного сюжета, — это знания, данные героям предыдущим опытом, или просто сверхзнания, «положенные» эпическому герою²⁰.

²⁰ Мы не пытаемся определить природу этого подтекста, но первое, что приходит на ум, — это известные размышления Б.Н. Путилова о немотивированных мотивах в славянском эпо-

Глухой намек на подобные эпические предзнания встречаем и в другом жанре, а именно в Стихе о Голубиной книге, где также встречается парная конструкция *х и т р ы й - м у д р ы й* как характеристика князей и царей. Напомним, что большая часть вариантов этого Стиха начинается с того, что с небес на землю падает книга Голубиная, для прочтения которой собираются цари, короли и князья, и только некоторые из них — *хитромудрые* — способны прочесть ее:

... Што на ту на славушку да на великую
Собиралосе-соежжалосе
Веть сорок царей, сорок цариц,
И сорок королей, сорок королевичей.
Во-первых выбиралса из их хитрой-мудрой царь,
Хитрой-мудрой царь Вытусей-от царь,
Витусей-от царь Витусевичь;
И во-вторых выбиралса из их хитрой-мудрой царь,
Хитрой-мудрой царь Волонтоман-царь...
([I, т. 3, ч. 4, с. 120, № 325], Мезень);

Выискався бо тамко *хитрэй-мудрэй царь,*
Хитрэй-мудрэй царь Володзимер царь,
Володзимер царь, Витовцевич...
Ты на басенки усё на добрыи,
На отгадычки усё на мудрыи:
Прочитай нам книгу голубиную...
([66, с. 288], Белоруссия)

Вместе с тем в русском эпосе присутствует и тема знаний как таковых, не сопряженных со сверх- или предзнанием. *Хитростями-мудростями* в этих случаях называются знания и науки вообще, а эпитет *хитрый-мудрый* приложим как к самим наукам, так и к ученикам, этими науками овладевающим, и к их учителям, обучающим этим наукам:

се, порождающих недомолвки и сюжетные загадки, которые он называл «вторым сюжетным планом» [65, с. 18–19].

Ишше стал у нас да Петр-от Перьвой-от,
Стал семи годов — да ёму от роду;
Как премудрой был *царевичь-от хитрой-мудрой*;
Изучилсэ-то он скоро Божьей грамоте,
Ко всему он изучилсэ, цёму надобно.

([8, с. 244, № 60], «Семейная жизнь Петра I»);

Задался Вольга сударь Буслаевич на семь год,
А прожил двенадцать лет;
Обучался хитростям, мудростям,
Всяким языкам разным.

[58, ч. 1, с. 1, № 1];

...Услыхали тут узнали *учители прехитрые*,
Прехитры они были очунь премудрые,
И они стречали тут салатана премладого царевича...
«Уж ты ой еси, премладой ты царевичь же,
И-и мы желаем тебя взять да на ученьицо...
Э-и *научись-ко-се ты нашей хитрой мудрости*,
Научись-ко ты нашей рыцарьской же храбрости...
И пожелал-то он учиться к им на Милитрисьски славны острова,
А и ихной *хитрой-то премудрой славной грамоты*,
Э и как и *рыцарьской же ихной всё же смелости*,
И богатырьской то же всё да силы великою...

([17, № 116], «Марута Богуслаевна»).

Последний пример показателен еще и тем, что обучение воинским наукам и знанию специальных военных приемов органично русским былинам по тематике: «Будет Василий семнадцати лет, / *Обучился Василий всяких хитростей-мудростей, / Разных наук воинских и рыцарских...*» [58, ч. 2, № 150]. Указание на такую «учебу» встречаем и в относительно поздней печорской былине «Лука, Змея и Настасья» (о ней см.: [3, с. 141, 176, 177]). Во второй части былины Лука Данилович, который на тот момент служит турецкому царю, послан им в чужие земли обучиться профессиональной военной науке, которую, собственно, былина и называет *хитростями-мудростями*:

Призывал бы царь его да нынь турецкий же,
Он и сказыват ему бы службу царскую —
Поезжать бы ему во земли дальние,
Там узнать бы все хитрости-мудрости:
«Сосходить бы тебе в землю дальнюю,
Разузнать бы тебе хитрости да мудрости!»

.....

Он приехал во земли во дальные —
Показали ему все хитрости-мудрости:
Там накопаны копы да земли медной,
Там отправлены мины нынче с порохом.
Не спускают к этим минам бы с порохом
И направляют эти мины да с порохом.
Это списал он все эти *хитрости-мудрости...*
Обратиться нынь теперича назад ему.

([18, с. 340, № 281], Печора)

И последнее, о чем целесообразно здесь сказать, — это тема профессиональных навыков, мастерства и умений, очень характерная для ПСК со словами на *хитр-/мудр-*. Профессионалы-специалисты (лекари, мельники, строители, музыканты и др.) в традиционном обществе считались если не колдунами, то во всяком случае людьми, имеющими контакты с нечистой силой²¹. Эти знания выделяли их на общем фоне и заставляли относиться к ним с известной осторожностью. Вместе с тем их навыки составляли важную часть общего знания, и к их услугам обращались по мере необходимости. Все это в целом объясняет, кажется, тот факт, что эти профессиональные навыки и их носители вписываются в концепт хитрости-мудрости, соединяющий идею высокого профессионального знания (ср. «Серебряного, сканного дела хитрецы» — [26, s.v. *Хитрый*]) и знания специального, особого, сверхзнания, который, как мы отмечали выше, получил особенно широкое распространение в заговорах.

Так, в былине-скоморошине «Терентий муж» *хитрыми-мудрыми* названы доктора, которых герой ищет для своей жены:

21 См. на эту тему специально: [24].

Жил-был Терентий-муж.
У ёго была жона молода
Да Прасофья Ивановна.
Она с утра больна и трудна,
Она под вечер недужна вся.
«Уж ты ой еси, Терентий-муж!
Да ты поди-тко по Нову-городу
Да кричи-тко во всю гору,
Наживай хитрых мудрых дохтуров;
“Да не знают ли моей жены пособить
Да Прасофьи Ивановны?”»

([1, т. 1, ч. 2, с. 190, № 41], «Терентий муж», Пинега)

В былине «Поездки Ильи Муромца» Илья встречается на своем пути судьбоносную надпись, повелевающую ему поставит церковь и закончить там свои дни:

Как выкатил казну да Илья Муромец,
Нанял *хитро-мудрых плотников*,
Построил он церкву соборную
Святителю Николы Можайскому,
Во славном во городе во Киеви,
Сам заехал во пещеры во глубокие,
Тут-то Илья уже преставился.
Поныне теперь мощи нетленные.

[56, № 266]

Помимо людей, владеющих тайнами того или иного мастерства, эпитет *хитрый-мудрый* присваивается искусному рукоделью: шитью, вышиванию, плетению и другим видам ручной работы. Особенно часто такое употребление рассматриваемой ПСК встречаем в былине о Соловье Будимировиче:

Он кнегины Опраксеи подарки дарыт,
Педесят аршын хрущатой камки.

Ишша княсь камоцьку розвѣртывал,

Ишша княсь узоры высматрывал:

А-й *хитры-мудры узоры заморские...*

([1, т. 1, ч. 2, с. 389], Пинега, «Соловей Будимирович»)

Этот эпитет применяется к сложному и замысловатому рукоделию и, как мы показали вначале, соответствует значению ‘искусный’ (характерному для слов с корнем *хитр-* и во вторую очередь — с корнем *мудр-*). Как мы увидим в дальнейшем, эпитет *хитрый-мудрый* в этом значении встречается не только в былинах, но также и в других жанрах русского фольклора. Вместе с тем для отдельных слов, составляющих исследуемую ПСК, это и близкие значения отмечаются и в диалектах, см.: смолен. *мудренка* ‘узор на холсте в виде мелких, кружочков, вышитых по контуру красной бумажной нитью’ [80, т. 18, с. 330]; вологод. *примудрушка* ‘украшение, причудливая деталь в одежде’ и т. д.

Таков в общем и целом круг тем, с которым связана ПСК со словами на *хитр-/мудр-* в русских былинах. В значительной своей части они согласуются с теми, что обнаруживаются в заговорах. Прежде всего это колдовство и вредоносная магия (в былинах трансформировавшиеся в оборотничество), а также сверхзнание — магическое, профессиональное или просто заданное эпическим подтекстом быliny. Все эти темы, хотя проявляют себя в обоих жанрах, но делают это по-разному. Относительно высокая частотность ПСК со словами на *хитр-/мудр-* в былинах приводит к тому, что парная конструкция выступает в роли своего рода маркера, указывающего на тему особых знаний, умений и сверхспособностей, которыми владеет герой эпоса (прежде всего Волх). В эпосе хитрость-мудрость как определенный комплекс интеллектуальных качеств и магических способностей героев играет заметную роль в развитии некоторых сюжетов, прежде всего связанных с эпическим соперничеством.

В народной **лирике** темы, сюжеты и мотивы, в которых чаще всего употребляется ПСК со словами на *хитр-/мудр-*, частично повторяют былинные контексты, хотя в лирике эта конструкция встречается значительно реже, чем в былинах.

Первый лирический сюжет «Молодец по улицам гуляет, ищет хитромудрого человека»; известная лирическая песня, популярная на Урале, в Сибири, а также в казачьей среде. В ней мы вновь возвращается к теме колдовства, знахарства и особых навыков и умений, которыми должен обладать тот, кого ищет молодец:

...Ой да сокрушала доброва молодца славушка худая.
Ой да не ясен сокол да по воздуху, братцы, летает,
Ой да молодой сержан по лагерам, братцы, розъезжает,
Ой да человека он иишет, братцы, да не простого,
Ну как не простого, братцы, только, братцы, хитра, мудра.
Ишо хто бу из добра коня вывел такой норов,
Молодецкой доброй сабле' ржавчину повывел,
С моего бу ретива сердца вывел, братцы, кручину?
([12, с. 285], Колыма)²²

Второй, также знакомый нам контекст исследуемой ПСК, — это загадывание хитромудрых загадок, подразумевающее чаще всего некое тайное знание, позволяющее герою разгадать эту загадку, называемую не только *хитрой-мудрой*, но также и *неотгадчивой (неотгадливой)*, см.:

...Не взять мне души красной девицы!
Загадаю девице загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ах, что у нас, девица, без огня горит,
Без огня у нас горит и без крыл летит,
Без крыл у нас летит и без ног бежит?»
Да что взговорит душа красна девица:
«Уж как эта ли загадка *не хитра, не мудра*,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Без огня у нас горит солнце красное,
А без крыл у нас летит туча грозная,
А без ног у нас бежит мать быстра река...»
([21, т. 1, № 325], «По крутому, по красному по бережочку»)

22 Вар.: «...Добрый молодец по улицам гуляет; / Он изыскивает хитра-мудрого человека» [21, т. 3, № 210], где ПСК *хитрый-мудрый* фактически переходит в сложное слово.

В лирике возможно включение этого эпизода и в совершенно иной — трагический контекст, где разгадка диктуется не тайным знанием, а обыденностью ситуации: девушка убивает милого и «потчует» им его сестер:

Позову ли я гостей,
Всё твоих сестер,
Всё твоих подруг,
Загадаю ль им загадочку,
Не хитру и не мудру,
Не отгадчивую:
«Я на миленьком сижу,
Милым подчиваю...
Как одна тут из сестриц
Догадалася,
Домой скоро собиралася:
«Говорила брату я
И наказывала:
Не ходи ты, молодец,
К красной девице душе:
Ведь она тебя не любит,
Буйну голову погубит...»

([57, вып. 2, ч. 1, № 1421], «Ты не шей не шей, девица...»;
вар.: [99, вып. 1, с. 196; 21, т. 7, № 737])

И, наконец, третий контекст подразумевает употребление ПСК *хитрый-мудрый* или соответствующего сложного слова для описания искусного рукоделия, тонкой ручной работы:

Уж я шила, вышивала
Да все хитрые узорчики,
Хитро-мудрые узорчики, шириноцьки
Свет Алексею Захарьевичу
Под пуховую под шляпоцьку.

[57, вып. 1, с. 22]

Такое же значение встречаем в свадебных²³ **причитаниях и песнях**, близких по тематике и стилистике к народной лирике. В них *хитрыми-мудрыми* (или *хитромудрыми*) называют:

– узоры и рукоделие: «И по-прежнему она, да по-досюльному, / И за девочьим сидит да рукодельцем, / И вышивает, пушай, *узоры хитромудры...*» ([5, т. 2, с. 297], Олонецкая губ.);

– швей, создающих одежду для новобрачной: «И у меня, да у печальной головушки, / И нет возрощено ведь белых лебедушек, / И у меня зимних на бесёдушке прядиюшек, / И дорогих нету угловых у меня ткиюшек, / И нету вешных *хитромудрых у меня швиюшек / И ушивать да тонку белую сорочечку!*» ([5, т. 2, с. 330], Олонецкая губ.);

– свадебные блюда («стряпни»): «Уж как нонче да нонечи /.../ Наложико ты, крестная, / Да на блюде, на золотце / *Стряпни хитрыё-мудрыё!*» ([32, с. 336], Вологодская обл.); «Я отдам эту красоту / Я родимой матушке. / У матушки работа тяжелая, / *И стряпни хитромудрые*, – / Это тоже моей красоте / Тут не место, не местечко!..» ([45, № 474], Вологодская обл., причет при отдании невестой своей «красоты»);

– писарей, к которым невеста должна обратиться за тем, чтобы те написали письмо родителям жениха, а они, в свою очередь, откажутся от сватовства и оставят ее на воле: «Ты послушай-ка сестрица моя родная, / .../ Уж мы съездим-ка в Шунгский столбовой погост, / Мы закупим лист гербовой бумаженьки, / Мы найдем там *писарей да хитромудрых*, / Мы пошлем да скорописчатую грамотку / Что во эту во столицу Петербургскую, / Пригласим своих желанных родителей, / Не откажут ли остудника чужа сына, / Не оставят-ли во вольной тебя волюшке» ([55, с. 12], Олонецкая губ.).

Таким образом, основной темой ПСК со словами на *хитр-/мудр-* в свадебных причитаниях являются профессиональные знания и навыки:

23 В кругу индоевропейских образований, родственных праслав. *mōdǫ*, выделяются слова с такими значениями, как 'мудрый', 'живой, бодрый', 'иметь намерение, цель', на основании чего этимологи допускают, что и.-е. **mendh-* (к которому возводится **mōdǫ*) изначально служило обозначением ментального возбуждения [100, т. 20, с. 133]. В.Н. Топоров в связи с этим сравнивал сексуальный аспект **mōdǫ* с **mōdę* 'тестикулы' и писал о соотношении головы и *testicula* (как носителей мудрости) в мифопоэтической традиции [93, с. 253]. Ср. в связи с этим в русской свадебной песне: «Что *хитёр-мудёр* первобрачный князь, / Что *хитря-мудря* его не было. / Да пройдет эта ноченька / *В хитростях да во мудростях*» [50, с. 304].

людей, ими владеющих, а также продукты их труда причитания последовательно называют *хитрыми/мудрыми* и *хитромудрыми*. К этой традиции примыкают севернорусские похоронные и рекрутские причитания. В собрании Е.В. Барсова мы насчитали более 20 упоминаний слова *хитромудрый*, относящегося почти исключительно к писарям: их просят написать бумагу, которая бы освободила от службы рекрута, «списать на бумагу» лицо умершего родственника и т.д.: «Ты послушай же, родитель моя дяденька! / Лучше возьмем золотой казны по надобью, / Мы закупим-ко гербовой лист бумаженьки, / Писарёчков найдем да хитромудрых; / Уж мы спишем-ко персонь да лицо белое, / На патрет да его ясны эты очушки, / Колесисты эты черны его бровушки, / Молодецкии завивныи кудёрышки...» ([5, т. 1, с. 164], Олонецкая губ.). Других вариантов употребления этого слова в похоронных и рекрутских причитаниях практически нет, как нет и собственно ПСК со словами на *хитр-/мудр-*.

В свадебных причитаниях и свадебной лирике *хитрый-мудрый* приобретает также оценочное значение и выступает как позитивная характеристика лица, обычно невесты или жениха. В следующем причитании невеста жалуется на то, что сват расхваливает ее и ее семью перед семьей жениха: «Съидет домой да злодий большой сват, / Против семьи разпохваляется, / На меня да роспеняется: / Коль хитра да мудра девица, / Коль проворны милы братьица» ([99, вып. 2, с. 511], Пинега). Аналогичным образом описывается и жених в шуточной свадебной припевке, с помощью которой девочек припевали к мальчикам-«женихам»: «Хитёр-мудёр Иван-молодец, / Хитрей-мудрей да его не было, / ... / Уж он плёл колыбель да из семи шелков, / Из семи шелков да из семи сортов. / Повесил колыбелюшку на улицу / ... / Говорил-то Иван таковы словеса: /— Качайте колыбелюшку повыше всех, / Чтобы мне увидеть получше всех, / Чтобы мне увидеть свою суженую, / Богосужену Овдотью Семеновну» ([52, № 702], Терский берег Белого моря). Вообще, подобная характеристика в свадебном фольклоре чаще всего относится именно к жениху, см. контекст, в котором синонимом к *хитрому-мудрому* выступает эпитет *хоробёр*: «Нам сказали-то — молод князь-то не хитёр. / Да он хитёр, мудёр, сам хоробёр²⁴ / ... / Да со крылечка да в нову

24 Такое соединение эпитетов, видимо, неслучайно, ср.: «Кон же его бысть борз и горазд играти, а юноша храбр бысть и хитр на нем сидети» [27, с. 74], а также *мудрохрабрый* 'соединяющий в себе храбрость с мудростью' ([81, т. 9, с. 298], XVII в.).

горницу зашел. / Да ко душе ко красной девушке, / Да ко невесты да зарученой. / Он и брал-то ей руку за руку...» ([45, № 152], Мезень). Оценочные коннотации парной конструкции *хитрый-мудрый* мы уже встречали в былинах при характеристике женских и мужских персонажей.

Мы не будем подробно рассматривать «хитрость-мудрость» в русских **сказках** — и прежде всего потому, что парная конструкция *хитрость-мудрость* (или однокоренные с ней) представлена в них достаточно слабо. Вероятно, это связано с тем, что в сказках важную роль играет близкий к этой ПСК концепт «хитрость» (иногда «мудрость») ²⁵, который довольно разнообразен в своих значениях. Под «хитростью» здесь понимается превращение и оборотничество, а также просто ловкость и находчивость, причем особенностью сказки является то, что эти аспекты сказочной «хитрости» порой трудно различимы (вспомним многочисленных премудрых дев и хитрых персонажей сказок).

Тем не менее попробуем бегло обозначить основные контексты, в которых рассматриваемая парная конструкция все же встречается. К заговорам и особенно к былинам ближе всего сказочные контексты, в которых хитрость-мудрость связывается со способностью сказочной героини к оборотничеству и превращениям. Так, в сказке «Настасья-королева» (вариант сюжета СУС 450 «Братец и сестрица»), когда брат с сестрой убегают от погони, сестра бросает позади себя предметы, тем самым создавая преграды на пути преследователей; последние, видя эти преграды, говорят о сестре: «— Вот *хитронья*, вот *мудронья*, не *ухитрится*, не *умудрится*, будет у меня. Сверлили они и бурили (преграду. — Т.А.). Высверлили, выбурили, а они ужо далеко» ([73, № 64], Рус. Север). Очевидно, что именно способность сестры превратить чудесные предметы в нечто иное и провоцирует название «хитроньей-мудроньей», т. е. указывает на ее принадлежность к категории людей, владеющих магическими навыками. Продолжением же этих слов становится угроза, что сестре не хватит «хитрости-мудрости» уйти от преследования и она будет схвачена: «не *ухитрится*, не *умудрится*, будет у меня».

«Хитрости-мудрости» появляются и в контекстах, связанных с традиционным для сказки концептом чудесного. В сказке «Каровушка-Бя-

25 О «хитрости» как особой теме в сказках см. специально: [68].

лонюшка» (вариант сюжета СУС 511 «Чудесная корова»), записанной на псковско-смоленском пограничье, между мачехой и падчерицей разворачивается заочный спор, своего рода «меряние» хитростью-мудростью (см. выше в былинах). Падчерица обещает родить царю чудесных детей: «А я, гаварит, *цим хитра, цим мудра*: ражу, гарит, три раза па три мальчика: руки в злате, ноши в серебре, на макушке драбные звезды, в патылицы ясен ме[с-сяц], паходка у паходку и гаворка у гаворку и ростом как адин», и рождает их. Мачеха же оспаривает «хитрость-мудрость» падчерицы, приводя в качестве примера настоящей «хитрости-мудрости» другие чудеса: «Што ты! *это ня хитрость, это ня мудрость*. Вот есь на десятом царстве в десятом гасударстве этый ваперь: луцём (рылом) ареть (пашет), хвостом скародеть (боронит), за им белая пшаница родится, сытница пякется и на торг нясется. Вот *это хитрость, вот это мудрость*» или «Ай, зятек мой милый, *эта ня хитрость, эта ня мудрость*. В [три]десятом царстве, в (...)десятом гасударстве сасна стаить, дятел сядить, на адин бок кинеть — злато, на другей — серебро. *Вот это хитрость, вот это мудрость*» ([51, с. 252–253], Рус. северо-запад).

Однако чаще всего упоминания о хитрости-мудрости встречаются в тех сказочных сюжетах, где грань между чудесным и волшебным, с одной стороны, и ловкостью и находчивостью — с другой, едва различима. В сказке «Хитрая наука» (вариант сюжета СУС 325) учитель, которому мальчик был отдан в учење, требует, чтобы старик-отец выбрал своего сына из 30 совершенно одинаковых на вид учеников: «И сделал он из тридцати учеников своих тридцать молодцев: молодец к молодцу! А сын успел шепнуть отцу: “На моем-де лице мушка сядет, я ее платком смахну”. Так и сделал; по той примете старик угадал сына. “Ну, не ты *мудёр-хитёр*, — сказал ему учитель, — *мудёр-хитёр* твой сын! Угадывай сызнава”» ([48, т. 2, № 252], Нижегородская губ.); заметим, что приведенный фрагмент — редчайший пример перестановки частей ПСК. Как и в эпосе, в сказке мы вновь встречаем сюжетные ситуации, в которых герои стремятся одолеть друг друга при помощи хитрости-мудрости: «Случись на то время быть там учителю. Пристал к купцу: “Продай да и продай лошады!” — “Изволь, давай триста рублев”. — “Дам, продай с уздечкою”. Купец призадумался. “Продай — надбавлю!” Соблазнил старик и продал. Учитель сел на коня да и был таков! Взмылил он коня вспенил ему бока; а сам бьет да приговаривает: “*Я ж тебя перехитрю, я ж тебя перемудрю!*”» [48, т. 2, № 252].

ПСК со словами на *хитр-/мудр-* встречаются также в **паремиях**, хотя и достаточно редко. Никаких специальных значений здесь мы не обнаруживаем. В пословицах эти ПСК могут обозначать что-нибудь особенное, например искусно сделанное, затейливое и т. п., что соответствует некоторым значениям *хитрый*, например укр. «Хочеться так, щоб *хитро-мудро* та невеликим коштом» [63, с. 388]. Как уже отмечалось выше, многие паремии допускают варьирование за счет чередования слов *хитрый* и *мудрый* вроде «Нужда *хитрее* (или *мудрее*) мудреца» [26, с. в. *Мудрый*], что, впрочем, напрямую к концепту *хитрый-мудрый* не относится.

Подведем итоги. ПСК со словами на *хитр-/мудр-*, а также соответствующие сложные слова широко известны в целом ряде жанров русского фольклора, а частеречные и морфологические вариации этой парной конструкции довольно разнообразны. С ее помощью в фольклоре могут обозначаться

— лица: *хитрец-мудрец, хитрок-мудрок, хитронья-мудронья, хитрой-мудрой*;

— события/состояния/объекты: *хитрость-мудрость, хитрости-мудрости* (с предлогами *ради, для, с, от, без* и в составе оборотов: *дознаться хитростью-мудростью, обойти хитростью-мудростью, обучаться хитростям-мудростям, распознать/понимать хитрости-мудрости, взять хитростью-мудростью* и др.);

— атрибуты: *хитрый-мудрый, прехитрый-премудрый, хитёр-мудёр, хитрее-мудрее* (редко — *хитрее-мудрёнее*), *хитромудрый*;

— действия: *хитровать-мудровать, похитрить-помудрить, перехитрить-перемудрить, подхитрить-подмудрить, мудриться-хитриться, приумудриться-приухитриться*;

— способ действия: *по-хитрому-по-мудрому, хитро-мудро, хитрому-дро*²⁶.

Рассматриваемые ПСК демонстрируют разные формы синтаксической реализации и, соответственно, разную степень слитности отдельных

26 К примеру: «Сидят пташечки весёлые, весёлые, весёлые, весёлые. / Ой, они песни поют заунывные, заунывные, свет заунывные, / Слова говорят хитромудро, ой, хитромудро, свет, хитромудро» [6, с. 165].

частей. Как отмечала А.П. Евгеньева, «синонимические пары, несмотря на свою слитность... тем не менее не являются неразрывными... [30, с. 268]. ПСК может функционировать как парное слово типа *хитрый-мудрый*, как перечисление (*хитрый, мудрый*), в том числе перечисление с предлогами и с отрицанием, а может разделяться союзами (*и, да*), частицами (*же*) и даже самостоятельными словами: *премудра сарачина прехитрая* ([80, т. 36, с. 139], Мезень); *если хитра ваша слуга да мудра* [72, № 16] и т. д. Слитность ПСК обеспечивается не только тем, что оба слова в целом характеризуют один объект, но и тем, что в большом количестве контекстов, даже будучи разделенными другими словами, они имеют одно определяемое слово: *сидят две мудрые, две хитрые девицы* ([67, № 2269], Архангельская обл.).

Почти всегда ПСК сохраняет порядок частей относительно друг друга, а исключения из этого правила единичны (*мудёр-хитёр; премудрый, прехитрый*). Иногда парная конструкция может трансформироваться, например, в атрибутивно-номинативные словосочетания типа «И тут же зачали его учителя прехитрия / И обучать-то его стали *хитрой мудрости*» [17, № 116].

Семантическая близость слов на *хитр-/мудр-* обуславливает и тот факт, что при появлении в фольклорном тексте одного из слов рассматриваемой пары с высокой степенью вероятности может ожидать и второго: они будто притягиваются друг к другу. Вместе с тем два этих слова не всегда составляют парную конструкцию, поскольку могут относиться к разным объектам: «...лягу, раб Божий, в материну утробу, никто бы меня не нашел, к Царю Давыду пойду в смелость и кротость, к Александру Македонскому пойду по х и т р о с т ь, а к Царю Соломону по п р е м у д р о с т ь ...»²⁷; «На паньску мудрість мужицька хитрість» [63, с. 329] и т. д. Вообще, в паремиях два слова на *хитр-* и *мудр-* часто входят в один контекст, но при этом не образуют единого целого: брянск. «Голь хитра, голь мудра, голь на выдумки пошла» [92, с. 180]; «Нет такого мудреца, как Ивана хитреца. Сел на конь, поехал в огонь» ([33, с. 43], с разгадкой «горшок») и др.

В некоторых случаях можно даже наблюдать противопоставление понятий, определяемых словами *хитрый* и *мудрый*. Так, в былине о Василии Буслаевиче рассказывается о том, как по мере взросления мать отдает его

27 Ордин Н. Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде // Архив Рус. геогр. о-ва. Оп. 1. Разр. 7. Д. 44. Л. 20. Вологодская губ., заговор перед судом и начальством.

сначала в одно учение — *мудрое*, т. е. учиться грамоте, а затем и в другое — *хитрое*, т. е. учиться магии и превращениям:

Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.
Родила она младого отрока,
Да младого Василия Буслаевича.
Да стал-то Василий лет пяти-шести,
Отдавала его мать учителю,
Учиться ученье всяко *мудроё*:
Писать да читать скоро азбуке...
Отдавала его да мать-то ведь учителю,
Учиться ученье всё-ко *хитроё*:
По поднебесью летать да ясным соколом,
По чисту полю рыскать да нонь серым волком,
Да в землю уходить горносталюшком,
Да в воду ходить да ноньце рыбою,
По воды-то плавать ярым гоголем.

([16, с. 494–495], Мезень, «Василий Буслаевич»;
вар.: [19, № 14])

Это яркий пример того, как сильно различаются между собой эти слова и понятия — *мудрость*, связанная прежде всего с книжной культурой, и *хитрость*, имеющая прямое отношение к колдовству, вежеству и в конечном счете языческому знанию.

Несколько слов о синонимии в связи с парными конструкциями. В целом в отношении ПСК и соответствующих сложных слов можно говорить о двух типах синонимии: о синонимах, во-первых, дополняющих парную конструкцию, и, во-вторых, заменяющих ее.

Дополняющая синонимия к ПСК с корнями *хитр-/мудр-* развита довольно слабо, что отчасти объяснимо синонимией слов *хитрый* и *мудрый* внутри самой ПСК. Тем не менее отметим появление третьего синонима, встающего в ряд со словами на *хитр-/мудр-*, в заговорах, см.: *хитрец*, *мудрец*, *колдовец*; *не подхитрить* и *не подмудрить* и *не спортить*; *похитрить*, *помудрить* и *похимостить*, *хитрость-мудрость-ноготь* и т. д., что, вероятнее всего, объясняется характерной для этого жанра тенден-

цией к выстраиванию разного рода перечислительных рядов. В былинах и народной лирике синонимами к парной конструкции *хитрый-мудрый*, если речь идет о лице, чаще выступает прилагательное *догадливый*: *царица Елена была хитра, мудра, да хитра была, мудра, всё она догадлива* [8, с. 241] и *непростой: человека он иишет, братцы, да не простого, ну как не простого, братцы, только, братцы, хитра, мудра* [12, с. 285], а также *храбрый (хоробрый)*: *Забава-та хитра-мудра, нам сказали, Забава да оцунь хоробра* [16, с. 304]; если речь идет о загадке, то она может определяться также как *неотгадливая* ('трудная'): *загадаю девице загадочку, хитру, мудру, не отгадчиву* [21, т. 1, № 325].

Теперь о синонимах, заменяющих ПСК. Нам известно всего два сложных слова, которые можно счесть полными синонимами слова *хитро-мудрый*. В севернорусских диалектах фиксируется *хитродумный* [75, с. 540], в олонечких причитаниях — *хитроумный* (единично):

И пораздумаюсь победным умом-разумом:
 Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка:
 Времена теперь пошли да все бедовыи,
Хитроумны стали *власти* страховитыи.
 [5, т. 2, с. 49], Олонечкая губ.)

В заговорах замена ПСК на отдельное слово представлена слабо, что, на наш взгляд, свидетельствует об органичности парных конструкций поэтике и семантике текстов этого жанра. Что касается других жанров, то в них в качестве синонимов к парным конструкциям со словами на *хитр-/мудр-* используются отдельные слова из пары (или однокоренные им), и такие замены имеют регулярный характер (мы указывали на подобные случаи по ходу статьи). Приведем лишь два примера. Выше мы упоминали, что в похоронных и рекрутских причитаниях одним из наиболее частых выражений является *хитромудрый писарь*, которое может заменяться *мудреным писарем*: «Ты возьми, кормилец батюшко, / Лист бумаженки гербовыя, / Возьми писаря *мудреного*; / Напиши-тко ты прошение / Ко Царю, ко благоверному...» ([14, с. 112], Олонечкая губ.). А характерное для многих жанров выражение *хитромудрые узоры* (*шитье, рукоделие* и т. д.) может чередоваться с *хитрыми узорами*: «Шел-шел, шел-шел, увидал

медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца *хитрыми узорами* — городками с пригородками» ([48, т. 1, № 130], «Три царства»).

Антонимы к рассматриваемой парной конструкции также единичны, но крайне любопытны. Антоним *глупый* (*Не хитра твоя мудра загадка хитромудрая, а твоей глупе загадки на свете нет* и другие подобные примеры) противопоставляет хитрого-мудрого глупому по наличию/отсутствию ума, что кажется вполне логичным. Вместе с тем в фольклоре известна и другая пара антонимов, в которой *хитрость-мудрость*, напротив, противопоставляется *уму/смысловатости*. В песне-сказке, записанной в Поволжье П.И. Мельниковым-Печерским, девушка Сашайка обещает взять Казань: «Я бы, Сашайка, своим девичьим умом в три часа взяла, / *Взяла бы не хитростью, не мудростью, а своим умом девичьим*» [56, с. 592]: здесь «хитрость-мудрость» понимается либо как уловки и обман²⁸, либо как колдовство и магия и тем самым противопоставляется уму. Сказка «Незнайко», описывая своего героя — третьего брата Ивана, сообщает, что «Ванюшка не хитёр, не мудёр, а куды смысловат!» ([48, т. 2, № 296], Архангельская губ.). Ср. аналогичное противопоставление *хитрости-мудрости* и *ума* в пинежском свадебном причитании: «Родитель мой батюшко! / Чего я у тебя попрошаю, / *Я не с хитрости и не с мудрости, — / С девья глупого ума-разума...*» ([99, вып. 2, с. 393], Пинега), где также допустимо разное прочтение ПСК *хитрость-мудрость*.

Можно с уверенностью говорить о том, что функционирование в фольклорном тексте двух слов со сходной семантикой вместо одного, а также их объединение/слияние в устойчивую пару и даже одно сложное слово, существенно усиливает тот общий смысл, который их объединяет, акцентирует на нем внимание слушателя, о чем упоминала А.П. Евгеньева («оба слова взаимно ограничивают друг друга, уточняя, усиливая, выделяя только одно, общее им обоим значение...», [30, с. 264]). Как нам кажется, этому немало способствуют и случаи своего рода «удвоения» ПСК в границах одного текста вроде «меня учителя учили *хитрые хитрецы, мудрые мудрецы*» ([41, с. 141], Вятская губ.) — явление, описанное нами выше прежде всего на материале заговоров.

28 Ср.: «...за град Псков битися с литвою до смерти *безо всякия хитрости*», т. е. биться без обмана [60, с. 548].

Общий круг значений синонимических пар со словами на *хитр-/мудр-* в русском фольклоре выглядит следующим образом:

- умный, проницательный, предусмотрительный, находчивый, ловкий;
- связанный с обманом, уловками, обходными способами решения проблемы и т. д.;
- имеющий отношение к тайным знаниям и магическим навыкам;
- касающийся знаний, наук, учения;
- владеющий профессиональными навыками и умениями;
- искусный; мастерски сделанный.

Обращает на себя внимание, что большая часть этих значений имеет отношение к специальному знанию — будь то магия, оборотничество, военное дело, профессиональные навыки или искусное владение ремеслом. Поэтому *хитрый-мудрый* — это человек умеющий и знающий то, что другим недоступно. Тема хитрости-мудрости как владения специальными знаниями присутствует во всех жанрах, о которых выше шла речь, — и в заговорах, и в былинах, и в сказках, и в лирике. Допустимо предположить, что именно на основе этого общего значения в заговорах, в соответствии с их установкой на «вежество» и тайное знание, сформировалось специальное значение 'быть связанным с тайным знанием, ведовством, магией', которое в итоге и стало доминирующим. Это значение хотя и находит поддержку в диалектной речи, но эта поддержка слишком ограничена (в том числе локально), чтобы ею можно было объяснить многочисленные примеры реализации этого значения в мотивах заговоров и былин на обширных пространствах Русского Севера и примыкающих к нему территориях севера-востока и северо-запада — Олонецкая и Архангельская губернии прежде всего, а также Вологодская, Новгородская, Санкт-Петербургская, Вятская, Костромская, Нижегородская и Пермская губ. Как мы заметили в начале статьи, парные сочетания синонимов со словами на *хитр-/мудр-* были также известны в древнерусской книжности, как переводной, так и оригинальной, и потому нельзя исключать книжного влияния на формирование ПСК *хитрый-мудрый* в русском фольклоре, особенно на Русском Севере, в том числе через посредство рукописной заговорной традиции.

Список литературы

- 1 Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб.: Тропа Троянова; Кулой, 2002–2003. Т. 1 (ч. 1–2); Т. 2 (ч. 3); Т. 3 (ч. 4).
- 2 Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово́й. М.: МГУ, 1980–. Вып. 1–.
- 3 Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. 396 с.
- 4 Багликова И.А. Хитрости-мудрости // Лингвофольклористика. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. С. 88–92.
- 5 Барсов Е.В. Причитания Северного края / изд. подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. Т. 1–2.
- 6 Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Юрлинский край. Традиционная культура русских Юрлинского района в XIX–XX в. Материалы и исследования. Пермь: Пермское книж. изд-во, 2003. 240 с.
- 7 Б-в И. Свадебные обычаи в Немжинском приходе Лодейнопольского уезда // Олонекские губ. вед. Ч. неофиц. 1897. № 19. С. 2–3.
- 8 Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / отв. ред. Т.Г. Иванова; подгот. изд-я С.Н. Азбелева, Ю.И. Марченко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с.
- 9 Березович Е.Л., Кучко В.С. Менять шило на мыло: диалектологический комментарий к фразеологизму // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 5–14.
- 10 Блохин С.А. Заговоры // Труды Орловской архивной комиссии. Орел: Тип. губ. управления, 1889. Вып. 5. С. 12–20.
- 11 Бобунова М.А. Единицы фольклорной лексикографии (в словаре языка былин). Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2001. 151 с.
- 12 Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1901. Т. 68. С. 1–346.
- 13 Большой толковый словарь донского казачества / отв. ред. В.И. Дегтярев. М.: Русские словари; Атрель; АСТ, 2003. 608 с.
- 14 Б-р-ов Е. Пудожские свадебные причитанья // Олонекские губ. вед. Ч. неофиц. 1867. № 7. С. 110–113.
- 15 Былины Мезени: Север Европейской России / отв. ред. А.А. Горелов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. 531 с. (Былины: в 25 т. Т. 3.)
- 16 Былины Мезени: Север Европейской России / отв. ред. А.А. Горелов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2004. 716 с. (Былины: в 25 т. Т. 4.)
- 17 Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи / изд. подгот. А.М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отд-ние, 1961. 608 с.

- 18 Былины Печоры: Север Европейской России / отв. ред. А.А. Горелов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 784 с. (Былины: В 25 т. Т. 2.)
- 19 Былины Севера / записи, вступит. ст. и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. 656 с.
- 20 Былины: Сборник / вступит. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986. 552 с.
- 21 Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: [Б.и.], 1895–1907.
- 22 Великоустюжский сборник XVII в. (Предисловие и публикация А.А. Турилова, А.В. Чернецова) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 177–224.
- 23 *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям): в 3 вып. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1907–1909.
- 24 *Виноградова Л.Н.* *Непростые люди* в сельском сообществе: о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Часть 2. Мастера-профессионалы, магические специалисты, полудемонические существа // Славянский альманах 2018. Вып. 1–2. С. 215–233.
- 25 *Воскресенский В.А.* Из быта и поэзии крестьян Новгородской губ. / публ. Д.К. Зеленина // Живая старина. 1905. №1–2. С. 1–56.
- 26 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
- 27 Девгениево деяние / подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 58–91.
- 28 Диалектный словарь Нижегородской области / редкол.: Л.А. Климова и др. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013–. Вып. 1–.
- 29 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 488 с.
- 30 *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 346 с.
- 31 *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Типо-литогр. С.П. Архипова и К°, 1878. Ч. 2: Народная словесность. С. 139–222.
- 32 *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М.: Сов. композитор, 1980. 392 с.
- 33 Загадки русского народа / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1876. 333 с.

- 34 Замкну замки замками: Заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края / сост. В.Н. Бекетова, М.А. Колмогорцев. Шадринск: Исеть, 2001. 119 с.
- 35 Замовы / уклад., систэма тэкстаў, камент. Г.А. Барташэвіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 597 с.
- 36 Знатки, колдуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А.Б. Мороза. М.: Форум, Неолит, 2013. 592 с.
- 37 Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам // подгот. текста Ю.А. Грибова и А.В. Пигина, пер. М.Б. Михайловой и В.В. Семакова, коммент. А.В. Пигина // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2003. Т. 8: XIV — первая половина XVI века. С. 494–527.
- 38 Из Толкового Апостола / подгот. текста, пер. и коммент. О.П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 82–125.
- 39 Илья Муромец / подгот. текстов, ст. и коммент. А.М. Астаховой; отв. ред. Д.С. Лихачев. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с.
- 40 *Карпинский М.* Старинные песни гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. главноначальствующего гражданского частию на Кавказе, 1898. Т. 24. С. 85–118.
- 41 *Комаровских А.* Знахарство в Орловском уезде // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1898 год. Вятка: Губ. тип., 1898. С. 136–147.
- 42 *Кохырин Н.* Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского у. // Олонецкие губ. вед. Ч. неофиц. 1900. 26 окт., № 126. С. 2.
- 43 *Красноженова М.* Материалы по народной медицине Енисейской губернии // Изв. Вост.-Сиб. отдела имп. Рус. географ. общества. Иркутск: Тип. Н.Н. Синецкина, 1910. Т. 39. С. 10–23.
- 44 *Лиль-Адам Вильер де.* Деревня Княжая Гора и ее окрестности // Зап. имп. Рус. географ. о-ва по Отд-нию этнографии. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1871. Т. 4. С. 235–366.
- 45 Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 324 с.
- 46 *Мансикка В.Й.* Заговоры Пудожского у. Олонецкой губ. // *Sborník filologický. Vydává III Třída České Akademie věd a umění. Sv. 8. Č. 1. Praha: česká akademie věd a umění, 1926. S. 185–233.*
- 47 *Минлос Ф.Р.* Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в науч. освещении. 2005. № 1. С. 96–115.
- 48 Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 1984–1985.
- 49 Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / сост. А.В. Коровашко, К.Е. Корепова. Нижний Новгород: [Б.и.], 1997. 128 с.
- 50 *Никитина С.Е.* Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических тек-

- стов) // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 298–307.
- 51 *Николаев О.Р.* Сказки верхнего течения Западной Двины // Русский фольклор. 1996. Т. 29. С. 241–277.
- 52 *Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.*
- 53 *Олонецкие губернские ведомости. Часть неофициальная.*
- 54 *Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: [Б.и.], 1873. 1336 с.*
- 55 *П., учитель. Древние остатки народной поэзии в нашей Олонии // Олонецкая неделя. 1913, № 18. С. 12–13.*
- 56 *П.И. Мельников-Печерский / публ. П.Д. Ухова // Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М.: Наука, 1968. С. 589–598.*
- 57 *Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / под ред. акад. В.Ф. Миллера и проф. М.Н. Сперанского. М.: О-во любителей росс. словесности при Моск. ун-те, 1911. Вып. I: Песни обрядовые; 1917. Вып. II, ч. 1.*
- 58 *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб.: Тип. А. Семена, 1861–1867. Ч. 1–4.*
- 59 *Петухов Д.* Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1864. 217 с.
- 60 *Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / подгот. текста, пер. и коммент. В.И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 13: XVI век. С. 534–607.*
- 61 *Повесть о споре жизни и смерти / подгот. текста и коммент. Р.П. Дмитриевой, пер. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 94–99.*
- 62 *Подюков И.А., Белявин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Усольские древности. Традиционная культура русских конца XIX–XX в. Усолье: Пермское книжн. изд-во, 2004. 240 с.
- 63 *Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упор. М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. 528 с.*
- 64 *Пропи В.Я.* Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 603 с.
- 65 *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
- 66 *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск: Типо-лит. Г. А. Малкина, 1891. Вып. 5. 450 с.
- 67 *Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М.: МГУ, 1998. 480 с.*

- 68 *Савицкая Л.В.* Хитрость как свойство сказочных персонажей в русской волшебной сказке // *Вісник Харківського Національного Університету ім. В.Н. Каразіна.* № 787. Серія Філологія. Вип. 52. Харків, 2007. С. 125–129.
- 69 Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / рук. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003–2017. Вып. 1–7.
- 70 *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев / науч. ред. В.И. Дегтярев. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2005. 320 с.
- 71 *Симина Г.Я.* Пинежский говор: материалы по русской диалектологии. Калининград: Калининград. ун-т, 1976. 172 с.
- 72 Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исслед. В.И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 342 с.
- 73 Сказки и предания Северного края / запись, статья и коммент. И.В. Карнаухова. Л.: Academia, 1931. 446 с.
- 74 Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2017. 604 с.
- 75 Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.
- 76 Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Т. 1–2.
- 77 Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- 78 Словарь русских говоров Прибайкалья / сост. М.Л. Арутюнян и др.: в 4 вып. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986–1989.
- 79 Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2011–. Вып. 1–.
- 80 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–. Вып. 1–.
- 81 Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- 82 Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой. Смоленск: СГПУ, 1974–2005. Вып. 1–11.
- 83 Словарь современного русского литературного языка / редколл.: В.И. Чернышев (гл. ред.) и др. М.; Л.: Наука, 1950–1965. Т. 1–17.
- 84 Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
- 85 Слово Даниила Заточника / подгот. текста, пер. и коммент. Л.В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 268–283.
- 86 Слово о житии... святого Стефана, бывшего епископом в Перми... / подгот. текста Ю.А. Грибова, пер. Е.Г. Володазкина, Н.Ф. Дробленковой, Л.С. Шепелевой, коммент. Т.Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 144–231.

- 87 *Собинникова В.И.* Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1969. 103 с.
- 88 *Соколов А.* Заговоры // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1892. Т. 10, вып. 2. С. 232–234.
- 89 *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893–1903. Т. 1–3.
- 90 Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. язык, 1999. 842 с.
- 91 *Титова Л.В.* Фольклорные обработки XVIII в. Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма / редкол.: Е.К. Ромодановская, Л.В. Титова. Новосибирск: Наука, 1986. С. 209–251.
- 92 *Тиханов П.* Брянский говор. Заметки из области русской этнологии // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1904. Т. 76, № 4. С. 1–263.
- 93 *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- 94 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1964–1973. Т. 1–4.
- 95 Фольклор Новгородской области: История и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / сост. О.С. Бердяева. М.: Стратегия, 2005. 352 с.
- 96 Фольклорные записи А.А. Шахматова в Заонежье / подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан, предисл. М. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 92 с.
- 97 *Фомин Э.В.* О сущностных параметрах парных слов русского языка // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы Международной конференции / под общ. ред. К.Р. Галиуллина и др. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2017. С. 278–280.
- 98 *Фролова О.* Русская мудрость в жанре пословицы // Мудрость – праведность – святость в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей / отв. ред. О.В. Белова. М.: Сэфер, 2011. С. 213–224.
- 99 *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. Т. 1, вып. 1; 1900. Т. 1, вып. 2.
- 100 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.
- 101 *Янович В.М.* Пермьяки // Живая старина. 1903. № 1/2. С. 52–171.

References

- 1 *Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa: v 3 t.* [Arkhangelsk folk epics and historical songs collected by A.D. Grigor'ev in 1899–1901 with tunes recorded using a phonograph: in 3 vols.]. St. Petersburg, Tropa Troianova Publ., Kuloi Publ., 2002–2003. Vol. 1 (part 1–2); Vol. 2 (part 3); Vol. 3 (part 4). (In Russ.)
- 2 *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary], ed. by O.G. Getsova. Moscow, MGU Publ., 1980–. Vol. 1–. (In Russ.)
- 3 Astakhova A.M. *Russkii bylinnyi epos na Severe* [Russian folk epos in the North]. Petrozavodsk, Gos. izd. Karelo-Fin. SSR Publ., 1948. 396 p. (In Russ.)
- 4 Baglikova I.A. Khitrosti-mudrosti [Slyness/wisdom]. In: *Lingvofol'kloristika* [Linguistic folklore studies]. Kursk, Kursk. gos. un-t Publ., 2003, pp. 88–92. (In Russ.)
- 5 Barsov E.V. *Prichitaniia Severnogo kraia* [Lamentations of the Northern region], ed. by B.E. Chistova, K.V. Chistov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. Vols. 1–2. (In Russ.)
- 6 Bakhmatov A.A., Podiukov I.A., Khorobrykh S.V., Chernykh A.V. *Iurlinskii krai. Traditsionnaia kul'tura russkikh Iurlinskogo raiona v XIX–XX v. Materialy i issledovaniia* [Yurlinsky region. Traditional culture of the Russians of Yurlinsky district in the 19th–20th centuries. Materials and studies]. Perm, Permskoe knizh. izd-vo Publ., 2003. 240 p. (In Russ.)
- 7 B-v I. Svadebnye obychai v Nemzhinskom prikhode Lodeinopol'skogo uezda [Wedding customs in Nemzhinskii parish of Lodeinopol'skii governorate]. *Olonetskie gub. ved. Ch. neofits.* [The Olonets governorate sheets, non-official part], 1897, no 19, pp. 2–3. (In Russ.)
- 8 *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: Sobranie A.V. Markova* [The White Sea antiquities and spiritual verses: A.V. Markov's collection], ed. by T.G. Ivanova; prepared by S.N. Azbeleva, Iu.I. Marchenko. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002. 1080 p. (In Russ.)
- 9 Berezovich E.L., Kuchko V.S. Meniat' shilo na mylo: dialektologicheskii kommentarii k frazeologizmu [Meniat' shilo na mylo: dialectological commentary on the idiom]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia*, 2017, vol. 9, issue 3, pp. 5–14. (In Russ.)
- 10 Blokhin S.A. Zagovory [Charms]. *Trudy Orlovskoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Oryol archive commission]. Orel, Tip. gub. upravleniia Publ., 1889, vol. 5, pp. 12–20. (In Russ.)
- 11 Bobunova M.A. *Edinitsy fol'klornoj leksikografii (v slovare iazyka bylin)* [Units of folklore lexicography (in the dictionary of the epics language)]. Kursk, Izd-vo Kurskogo gos. ped. un-ta Publ., 2001. 151 p. (In Russ.)
- 12 Bogoraz V.G. *Oblastnoi slovar' kolymского russkogo narechiia* [Regional dictionary of Kolyma Russian dialect]. *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti* [Collection

- of Russian language and literature department]. St. Petersburg, Izd-vo Imp. Akademii nauk Publ., 1901, vol. 68, pp. 1–346. (In Russ.)
- 13 *Bol'shoi tolkoviyi slovar' donskogo kazachestva* [Large explanatory dictionary of the Don Cossacks], ed. by V.I. Degtiarev. Moscow, Russkie slovari Publ.; Atrel' Publ.; AST Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)
- 14 B-r-ov E. Pudozhskie svadebnye prichitan'ia [Pudoga wedding lamentations]. *Olonetskie gub. ved. Ch. neofits*. [The Olonets governorate sheets, Non-official part], 1867, no 7, pp. 110–113. (In Russ.)
- 15 *Byliny Mezeni: Sever Evropeiskoi Rossii* [Mezen' Epics: European Russia North], in 25 vols. Vol. 3, ed. by A.A. Gorelov. St. Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Klassika Publ., 2003. 531 p. (In Russ.)
- 16 *Byliny Mezeni: Sever Evropeiskoi Rossii: v 25 t.* [Mezen' Epics: European Russia North: in 25 vols.] St. Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Klassika Publ., 2004. Vol. 4, ed. by A.A. Gorelov. 716 p. (In Russ.)
- 17 *Byliny Pechory i Zimnego berega. Novye zapisi* [Epics of Pechora and Zimnii Coast], ed. by A.M. Astakhova. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., Leningrad department, 1961. 608 p. (In Russ.)
- 18 *Byliny Pechory: Sever Evropeiskoi Rossii: v 25 t.* [Epics of Pechora: European Russia North: in 25 vols.] St. Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Klassika Publ., 2001. Vol. 2, ed. by A.A. Gorelov. 784 p. (In Russ.)
- 19 *Byliny Severa* [Epics of the North], records, introductory article and comm. by A.M. Astakhova. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1938. Vol. 1: Mezen' i Pechora [Mezen' i Pechora]. 656 p. (In Russ.)
- 20 *Byliny: Sbornik* [Epics: Collection], introductory article, prep. texts and comm. by B.N. Putilova. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 552 p. (In Russ.)
- 21 *Velikorusskie narodnye pesni: v 7 t.* [Russian folk songs: in 7 vols.], ed. by prof. A.I. Sobolevskii. St. Petersburg: [s.n.], 1895–1907. (In Russ.)
- 22 Velikoustiuzhskii sbornik XVII v. (Predislovie i publikatsiia A.A. Turilova, A.V. Chernetsova) [Veliki Ustyug Collection of 17th century (introduction and edition by A.A. Turilov, A.V. Chernetsov)]. *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Otrechennye books in Russia of 17th–18th centuries], ed. by A.L. Toporkov, A.A. Turilov. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 177–224. (In Russ.)
- 23 Vinogradov N. *Zagovory, oberegi, spasitel'nye molitvy i proch. (po starinnyim rukopisiam i sovremennym zapisiam): v 3 t.* [Charms, oberegs, saving prayers, and so on (from old manuscripts and modern records): in 3 vols.] St. Petersburg, Tip. M-va putei soobshcheniia Publ., 1907–1909. (In Russ.)
- 24 Vinogradova L.N. *Neprostyle liudi v sel'skom soobshchestve: o liudiakh, nadelennykh sverkh'estestvennymi sposobnostiami. Chast' 2. Mastera-professionaly, magicheskie spetsialisty, poludemonicheskie sushchestva* [Complicated people in a rural community: about people with supernatural powers. Part 2. Masters-professionals,

- magic specialists, semi-demonic beings]. *Slavianskii al'manakh*, 2018, no 1–2, pp. 215–233. (In Russ.)
- 25 Voskresenskii V.A. *Iz byta i poezii krest'ian Novgorodskoi gub., publ. D.K. Zelenina* [On everyday life and poetry of Novgorod province peasants, ed. by D.K. Zelenin]. *Zhivaia starina*, 1905, no 1–2, pp. 1–56. (In Russ.)
- 26 Dal' V. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living and great Russian language], 2nd ed. St. Petersburg, Moscow, M.O. Volf Publ., 1880–1882 (1955). Vol. 1–4. (In Russ.)
- 27 Devgenievo deianie [Devgenievo deianie], prep., transl. and comm. by O.V. Tvorogov. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. Vol. 3: 11th–12th centuries, pp. 58–91. (In Russ.)
- 28 *Dialektnyi slovar' Nizhegorodskoi oblasti* [Dialect dictionary of Nizhni Novgorod Region], ed. by L.A. Klimkova et al. Nizhni Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N.I. Lobachevskogo, 2013–. Vols. 1–. (In Russ.)
- 29 *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov], prep. by A.P. Evgen'eva, B.N. Putilov. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1977. 488 p. (In Russ.)
- 30 Evgen'eva A.P. *Ocherki po iazyku russkoi ustnoi poezii v zapisiakh XVII–XX vv.* [Essays on the language of Russian oral poetry in the records of the 17th–20th centuries]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1963. 346 p. (In Russ.)
- 31 Efimenko P.S. *Materialy po etnografii russkogo naseleniia Arkhangel'skoi gubernii* [Materials on ethnography of the Russian population of the Arkhangel'sk province]. Moscow, 1878. Part 2: Narodnaia slovesnost' [Folk literature]. Moscow, Tipol-litogr. S.P. Arkhipova i K^o Publ., pp. 139–222. (In Russ.)
- 32 Efimenkova B.B. *Severnorusskaia prichet': Mezhdurech'e Sukhony i Iuga i verkhov'ia Kokshengi (Vologodskaia oblast')* [North Russian lamentations: Sukhona and Yug interfluve and the upper reaches of Kokshen'ga (Vologda Region)]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1980. 392 p. (In Russ.)
- 33 *Zagadki russkogo naroda* [Riddles of the Russian people], comp. by D. Sadovnikov. St. Petersburg, Tipografiia N.A. Lebedeva Publ., 1876. 333 p. (In Russ.)
- 34 *Zamknu zamki zamkami: Zagovorno-zaklinatel'naia poeziia Shadrinskogo kraia* [Locked with locks: charms and spells poetry of the Shadrinsky region], comp. by V.N. Beketova, M.A. Kolmogortsev. Shadrinsk, Iset' Publ., 2001. 119 p. (In Russ.)
- 35 *Zamovy* [Charms], comp. and comm. by G.A. Bartashevich. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1992. 597 p. (In Belarusian)
- 36 *Znatki, kolduny i chernoknizhnikhi: koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe* [Enchanters, wizards, warlocks: witchcraft and household magic in the Russian North], ed. by A.B. Moroz. Moscow, Forum Publ., Neolit Publ., 2013. 592 p. (In Russ.)
- 37 Iz "Zhitiiia Vasiliia Novogo". Khozhdenie Feodory po vozduzhnym mytarstvam [From

- The Life of Basil The New. Theodora's road through the air hardships], prep. by Iu.A. Gribov and A.V. Pigin, transl. by M.B. Mikhailova and V.V. Semakov, comm. by A.V. Pigin. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, Vol. 8: 14th – 1st half of 16th century, pp. 494–527. (In Russ.)
- 38 Iz Tolkovogo Apostola [From Tolkovy Apostol], prep., transl. and comm. by O.P. Likhacheva. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, Vol. 2: 11th–12th centuries, pp. 82–125. (In Russ.)
- 39 *Il'ia Muromets* [Il'ia Muromets], prep. and comm. by A.M. Astakhova, ed. by D.S. Likhach. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1958. 559 p. (In Russ.)
- 40 Karpinskii M. *Starinnye pesni grebenskikh kazakov. Sbornik materialov dlia opisaniia mestnopei i plemen Kavkaza* [Old songs of the Grebensky Cossacks. Collection of materials for describing localities and tribes of the Caucasus]. Tiflis, Tip. glavnonachal'stviuushchego grazhdanskoiu chastiiu na Kavkaze Publ., 1898, vol. 24, pp. 85–118. (In Russ.)
- 41 Komarovskikh A. Znakharstvo v Orlovskom uezde [Sorcery in Orlovsky Uezd]. In: *Kalendar' i pamiatnaia knizhka Viatskoi gub. na 1898 god* [Calendar and memorable book of the Vyatka province for 1898]. Viatka, Gub. tipografiia Publ., 1898, pp. 136–147. (In Russ.)
- 42 Kofyrin N. Sueveriiia krest'ian sela Peschanogo, Pudozhskogo u. [Superstitions of the peasants of Peschany village]. *Olonetskie gub. ved. Ch. neofits*. [The Olonets governorate sheets, Non-official part], 1900, 26 Oct., no 126, p. 2. (In Russ.)
- 43 Krasnozhenova M. Materialy po narodnoi meditsine Eniseiskoi gubernii [Materials on folk medicine of the Yenisei province]. *Izv. Vost.-Sib. otdela imp. Rus. geograf. obshchestva* [Proceedings of the East Siberian Department of the Emperor Russian Geographical Society]. Irkutsk, N.N. Sinityn Publ., 1910, vol. 39, pp. 10–23. (In Russ.)
- 44 Lil'-Adam Vil'er de. Derevnia Kniazhaia Gora i ee okrestnosti [Kniazhaya Gora village and its surroundings]. *Zap. imp. Rus. geograf. o-va po Otd-niiu etnografii* [Proceedings of the Emperor Russian Geographical Society within Ethnography Department]. St. Petersburg, M-vo vnutr. del Publ., 1871, vol. 4, pp. 235–366. (In Russ.)
- 45 *Lirika russkoi svad'by* [Russian wedding lyrics], prep. by N.P. Kolpakova. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 324 p. (In Russ.)
- 46 Mansikka V.I. Zagovory Pudozhskogo u. Olonetskoii gub. [Charms of Pudozhsky uезд of Olonetskaia governorate]. *Sbornik filologický. Vydává III Třída Česke Akademie věd a umění*. Sv. 8. Č. 1. Praha: Česká academia věd a umění, 1926, pp. 185–233. (In Russ.)
- 47 Minlos F.R. Rifmovannye sochetaniia v russkom fol'klore. Reduplikatsiia i parnye slova [Rhyming combinations in the Russian folklore. Reduplication and paired words]. *Russkii iazyk v nauch. osveshchenii* [Russian language in scientific perspective], 2005,

- no 1, pp. 96–115. (In Russ.)
- 48 *Narodnye russkie skazki* A.N. Afanas'eva: v 3 t. [A.N. Afanasyev's Folk Russian fairy-tales: in 3 vols.], prep. by L.G. Barag, N.V. Novikov; ed. by E.V. Pomerantseva, K.V. Chistov. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985. (In Russ.)
- 49 *Nizhegorodskie zagovory (V zapisiakh XIX–XX vekov)* [Nizhni Novgorod charms (in the records of 19th–20th centuries)], comp. by A.V. Korovashko, K.E. Korepova. Nizhni Novgorod, [s.n.], 1997. 128 p. (In Russ.)
- 50 Nikitina S.E. Ob ume i razume (na materiale russkikh narodno-poeticheskikh tekstov) [About mind and reason (based on Russian folk poetry texts)]. In: *Slavianskie etiu dy. Sbornik k iubileiu S.M. Tolstoi* [Slavic studies. Collection for the anniversary of S.M. Tolstaya]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 298–307. (In Russ.)
- 51 Nikolaev O.R. Skazki verkhnego techeniia Zapadnoi Dviny [Tales of the upper reaches of the Western Dvina river]. *Russkii fol'klor*, 1996, vol. 29, pp. 241–277.
- 52 *Obriadovaia poeziia* [Rites poetry], comp., intoduct., comm., texts prep. by V.I. Zhekulina, A.N. Rozova. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 735 p. (In Russ.)
- 53 *Onezhskie byliny* [Onega epics], epics selection and scientific editing by Iu.M. Sokolov, preparing texts for printing, notes and dictionary by V.I. Chicherov. Moscow, Izdanie gos. lit. muzeia Publ., 1948. 938 p. (In Russ.)
- 54 *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega epics recorded by A.F. Gil'ferding in Summer 1871]. St. Petersburg, [s.n.], 1873. 1336 p. (In Russ.)
- 55 P., teacher. Drevnie ostatki narodnoi poezii v nashei Olonii [Ancient remains of folk poetry in our Olonetsky region]. *Olonetskaia nedelia* [Olonetskaya week], 1913, no 18, pp. 12–13. (In Russ.)
- 56 P.I. Mel'nikov-Pecherskii. Pesni, sobrannye pisateliami. Novye materialy iz arkhiva P.V. Kireevskogo [Songs collected by writers. New materials from the archive of P.V. Kireevsky], publ. by P.D. Ukhov. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 589–598.
- 57 *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaia seriia* [Songs collected by P.V. Kireevsky. New series], ed. by acad. V.F. Miller & prof. M.N. Speransky. Moscow, O-vo liubitelei ross. slovesnosti pri Mosk. un-te Publ., 1911. Vol. 1: Pesni obriadovye [Rites songs], 1917. Vol. 2, part 1. (In Russ.)
- 58 *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym* [Songs collected by P.N. Rybnikov]. St. Petersburg, Tip. A. Semena Publ., 1861–1867, part 1–4. (In Russ.)
- 59 Petukhov D. *Gornyi gorod Dediukhin i okol'nye mestnosti* [Mountain town of Dedyukhin and roundabout areas]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K° Publ., 1864. 217 p. (In Russ.)
- 60 *Povest' o prikhozhdanii Stefana Batoriia na grad Pskov* [Novel about the arrival of Stefan Batory in the city of Pskov], prep., transl. and comm. by V.I. Okhotnikova. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Nauka

- Publ., 2005. Vol. 13: 16th century, pp. 534–607. (In Russ.)
- 61 Povest' o spore zhizni i smerti [Novel about a life and death dispute], prep. and comm. by R.P. Dmitrieva, transl. by L.A. Dmitrieva. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. Vol. 10: 16th century, pp. 94–99. (In Russ.)
- 62 Podiukov I.A., Beliavin A.M., Krylasova N. B., Khorobrykh S.V., Antipov D.A. *Usol'skie drevnosti. Traditsionnaia kul'tura russkikh kontsa XIX – XX v.* [Usolsky antiquities. Traditional culture of Russians of the late 19th–20th centuries]. Usol'e, Permskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2004. 240 p. (In Russ.)
- 63 *Prisliv'ia ta prikazki: Liudina. Rodinne zhyttia. Rysy kharakteru* [Proverbs and sayings: Man. Family life. Character trait], ed. by M.M. Paziak. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990. 528 p. (In Ukrainian)
- 64 Propp V.Ia. *Russkii geroicheskii epос* [Russian heroic epos], 2nd ed. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1958. 603 p. (In Russ.)
- 65 Putilov B.N. *Russkii i iuzhnoslavianskii geroicheskii epос: Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian and South Slavic heroic epos: a Comparative typological study]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 315 p. (In Russ.)
- 66 Romanov E.R. *Belorusskii sbornik* [Belarusian collection]. Vitebsk, Tipol-lit. G.A. Malkina Publ., 1891, Vol. 5. 450 p. (In Russ.)
- 67 *Russkie zagovory i zaklinaniia. Materialy fol'klornykh ekspeditsii 1953–1993 gg.* [Russian charms and spells. Materials of folklore expeditions of 1953–1993], ed. by V.P. Anikin. Moscow, MGU Publ., 1998. 480 p. (In Russ.)
- 68 Savitskaia L.V. Khitrost' kak svoistvo skazochnykh personazhei v russkoi volshebnoi skazke [Cunning as a property of fairy-tale characters in a Russian fairy tale]. *Visnik Kharkivs'kogo Natsional'nogo Universitetu im. V.N. Karazina* [Proceedings of the Kharkov National University named after V.M. Karazin], no 787, Philology serial, issue 52. Kharkov, 2007, pp. 125–129. (In Russ.)
- 69 *Seliger: materialy po russkoi dialektologii: slovar'* [Seliger: materials on Russian dialectology. Dictionary], ed. by A.S. Gerd. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2003–2017. Vols. 1–7. (In Russ.)
- 70 Serdiukova O.K. *Slovar' govora kazakov-nekrasovtsev* [Dictionary of the dialect of the Cossacks-nekrasovtsy], ed. by V.I. Degtiarev. Rostov-on-Don, Rostov. un-t Publ., 2005. 320 p. (In Russ.)
- 71 Simina G. Ia. *Pinezhskaia govor: materialy po russkoi dialektologii* [Pinega dialect: materials on Russian dialectology]. Kaliningrad, Kaliningrad. un-t Publ., 1976. 172 p. (In Russ.)
- 72 *Skazki i legendy pushkinskikh mest: Zapisi na mestakh, nabliudeniia i issled.* V.I. Chernysheva [Tales and legends of Pushkin places: field records, observations, and studies by V.I. Chernyshev]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 342 p.

- (In Russ.)
- 73 *Skazki i predaniia Severnogo kraia* [Tales and legends of the Northern region], records, article and comm. by I.V. Karnaukhova. Leningrad, Academia Publ., 1931. 446 p.
(In Russ.)
- 74 *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsii v Siamzhenskii raion Vologodskoi oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezh dialect (based on the materials of dialectological expeditions to the Syamzhensky district of the Vologda region)], ed. by L.Iu. Zorina. Vologda, Vologodskii gos. un-t Publ., 2017. 604 p. (In Russ.)
- 75 *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiia. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the Vologda regional dialect. According to the manuscript of P.A. Dilaktorsky of 1902], prep. by A.N. Levichkin, S.A. Myznikov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 677 p. (In Russ.)
- 76 *Slovar' permskikh govorov: v 2 t.* [Perm dialect dictionary: in 2 vols.] Perm', Knizhnyi mir Publ., 2000–2002. Vols. 1–2. (In Russ.)
- 77 *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei: v 6 t.* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and neighboring regions: in 6 vols.], ed. by A.S. Gerd. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1994–2005. (In Russ.)
- 78 *Slovar' russkikh govorov Pribaikal'ia: v 4 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Baikal region: in 4 vols.], comp. by M.L. Arutiunian et al. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo universiteta Publ., 1986–1989. (In Russ.)
- 79 *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia* [Dictionary of Russian dialects of the North of the Perm region], ed. by I.I. Rusinova. Perm', Perm. un-t Publ., 2011. Vol. 1: A–V. 364 p. (In Russ.)
- 80 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], ed. by F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. Leningrad, Nauka Publ., 1965–. Vols. 1–. (In Russ.)
- 81 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries], ed. by S.G. Barkhudarov. Moscow, Nauka Publ., 1975–. Vols. 1–. (In Russ.)
- 82 *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects], ed. by A.I. Ivanova. Smolensk, SGPU Publ., 1974–2005. Vols. 1–11. (In Russ.)
- 83 *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of modern Russian literary language], ed. by V.I. Chernyshev et al. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965. Vols. 1–17. (In Russ.)
- 84 *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Riazanskogo raiona Riazanskoi oblasti)* [Dictionary of modern Russian folk dialect (Deulino, Ryazan district, Ryazan Region)], ed. by I.A. Ossovetsky. Moscow, Nauka Publ., 1969. 612 p. (In Russ.)

- 85 Slovo Daniila Zatochnika [Supplication of Daniel the Exile], prep., transl. and comm. by L.V. Sokolova. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997. Vol. 4: 12th century, pp. 268–283. (In Russ.)
- 86 *Slovo o zhitii... sviatogo Stefana, byvshego episkopom v Permi...* [Novel about life... of Saint Stephen, who was a Bishop in Perm], prep. by Iu.A. Gribov, transl. by E.G. Vodolazkin, N.F. Droblenkova, L.S. Shepeleva, comm. by T.R. Rudi. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003. Vol. 12: 16th century, pp. 144–231. (In Russ.)
- 87 Sobinnikova V.I. *Konstruktсии s odnorodnymi chlenami, leksicheskim tozhdestvom i parallelizmom v narodnykh govorakh* [Constructions with homogeneous terms, lexical identity, and parallelism in folk dialects]. Voronezh, Voronezh gos. un-t Publ., 1969. 103 p. (In Russ.)
- 88 Sokolov A. Zagovory [Charms]. *Izvestiia Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom un-te* [Proceedings of Archaeology, History and Ethnography Society in Kazan University], 1892, vol. 10, issue 2, pp. 232–234. (In Russ.)
- 89 Sreznevskii I.I. *Materiialy dlia Slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1893–1903. Vols. 1–3. (In Russ.)
- 90 *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vv.)* [Old Slavonic language dictionary (by manuscripts of 10th–11th centuries)], ed. by R.M. Tseitlin, R. Vecherki & E. Blagova. Moscow, Rus. iazyk Publ., 1999. 842 p. (In Russ.)
- 91 Tikhanov P. Brianskii govor. Zаметki iz oblasti russkoi etnologii [Bryansk dialect. Russian Ethnology notes]. *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti* [Collection of the Department of Russian language and literature]. St. Petersburg, Imp. Akademiia nauk Publ., 1904, vol. 76, no 4, pp. 1–263. (In Russ.)
- 92 Titova L.V. Fol'klornye obrabotki XVIII v. Povesti o rozhdenii i pokhozheniiakh tsaria Solomona [18th century folklore processings of The Tale of King Solomon's Birth and Adventures]. In: *Istochniki po istorii russkogo obshchestvennogo soznaniia perioda feodalizma* [Sources on the history of Russian social consciousness during the feudal period], ed. by E.K. Romodanovskaia, L.V. Titova. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 209–251. (In Russ.)
- 93 Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: *Текст: семантика и структура* [Text: semantics and structure], ed. by T.V. Tsivian. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (In Russ.)
- 94 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language], transl. from German and add. by O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1964–1973. Vols. 1–4. (In Russ.)

- 95 *Fol'klor Novgorodskoi oblasti: Istoriia i sovremennost'. Po materialam fol'klornogo arkhiva Novgorodskogo universiteta za 30 let* [Folklore of the Novgorod region: History and modernity. Based on the materials of the folklore archive of the Novgorod University for 30 years], comp. by O.S. Berdiaeva. Moscow, Strategii Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)
- 96 *Fol'klornye zapisi A.A. Shakhmatova v Zaonezh'e* [Folklore records of A.A. Shakhmatov in Zaonezhye], prep. of texts, articles and notes by A. Astakhova and S. Shakhmatova-Koplan, introduction by M. Azadovsky. Petrozavodsk, Gos. izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1948. 92 p. (In Russ.)
- 97 Fomin E.V. O sushchnostnykh parametrah parnykh slov russkogo iazyka [On the essential parameters of paired words of the Russian language]. In: *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaia lingvistika: Trudy i materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. Proceedings and materials of the International conference], ed. by K.R. Galiullin et al. Kazan, Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi un-t Publ., 2017, pp. 278–280. (In Russ.)
- 98 Frolova O. Russkaia mudrost' v zhanre poslovitsy [Russian wisdom in the proverb genre]. In: *Mudrost' – pravednost' – sviatost' v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii. Sb. statei* [Wisdom – righteousness – holiness in the Slavic and Jewish cultural tradition. Collection of articles], ed. by O.V. Belova. Moscow, Sefer Publ., 2011, pp. 213–224. (In Russ.)
- 99 Shein P.V. *Velikoruss v svoikh pesniakh, obriadakh, obychaiakh, verovaniakh, skazkakh, legendakh i t.p.* [The Russian in his songs, rituals, customs, beliefs, tales, legends, etc.]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1898, vol. 1, issue 1; 1900, vol. 1, issue 2. (In Russ.)
- 100 *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic lexical fund], ed. by O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1974-. Vols. 1–. (In Russ.)
- 101 Ianovich V.M. Permiaki [Perm residents]. *Zhivaia starina*, 1903, no 1/2, pp. 52–171. (In Russ.)